

Российская академия наук
Институт океанологии им. П.П.Ширшова
Атлантическое отделение

А.Б.Зубин

ОТ КОМГИ ДО АО

(к истории небольшого научного учреждения)

Калининград
2008

Вот уже пятьдесят лет, как родилось и начало работать Атлантическое отделение Института океанологии им. П.П.Ширшова Российской академии наук (АО ИОРАН). И вот уже пятьдесят лет, как работаю в этом учреждении я, пройдя в нем все основные ступени «служебного» роста: от лаборанта до «высокой» должности ученого секретаря. Предлагая Вашему вниманию эту небольшую книжку, я не имел цели дать развернутую панораму жизни и работы Атлантического отделения. Не придерживался я и строгой хронологии. Эта книжка – своего рода воспоминания. Мне просто хотелось, чтобы мои молодые коллеги узнали, как все это начиналось и какими были «родоначальники», а старые отделенческие «зубры» вспомнили молодость. И, тем не менее, в книжке я попытался привести цифры, факты и некоторые документы АО ИОРАН, свидетельствующие о не зря потраченном времени его существования. Естественно, рассказывая об АО ИОРАН, я не могу отделить его историю от своего в нем пребывания, не могу не смотреть на события, происходившие в нем в течение пятидесяти лет, своими глазами, за что заранее прошу прощения у своих коллег, поскольку мои взгляды могут расходиться со взглядами других.

История рождения **Отделения** (мы так и будем называть его далее) достаточно проста – родовых мук практически не было, хотя вегетационный период продолжался долго: шестнадцать месяцев. Вот как это было.

В конце пятидесятых годов прошлого века (после очередного Постановления ЦК КПСС¹ о развитии и интенсификации научных исследований в СССР) Морскому гидрофизическому институту Академии наук СССР - МГИ (в то время самому крупному морскому научному учреждению страны, работающему, главным образом, на оборону), были

¹ЦК КПСС (кто не знает или забыл) - это такая основополагающая организация советского времени - аналог администрации Президента в наши дни.

выделены средства на постройку нового крупнотоннажного научного корабля. Таким кораблем стал «Михаил Ломоносов», построенный на верфи «Нептун» в Ростке (ГДР). Сначала его приписали к порту Рига, откуда он совершил свои первые семь рейсов, но там некому было заниматься им вплотную: Рижский открытый морской торговый порт и так был перегружен и, опять же, не хотелось корабль, занимающийся «закрытой тематикой», держать «на виду». И тогда НИС «Михаил Ломоносов» надумали «прописать» в закрытом Калининграде. Для обслуживания «Ломоносова» Президиум АН СССР решил открыть в этом закрытом городе специальное отделение МГИ «с базой для экспедиционного судна «М.Ломоносов»», что и было узаконено Постановлением № 372 от 10 мая 1957 года: «О структуре Морского гидрофизического института АН СССР». Само собой разумеется, в Постановлении говорилось, что главная задача новой научной организации - «комплексное изучение Атлантического океана». После этого начались длительные переговоры руководства МГИ с руководством Калининграда о выделении под Отделение специального помещения и о строительстве жилья для его сотрудников. Для координации этой «переговорной» работы, так сказать, «связной» между МГИ и городскими начальниками была «задействована» сотрудница Промысловой разведки при БалтНИРО (ныне АтлантНИРО) Зоя Николаевна Матвеева, ранее некоторое время работавшая в МГИ АН СССР. За это ей был обещан прием в новое учреждение «вне конкурса». Действительно, З.Н.Матвеева была принята в Отделение 15 сентября 1958 года – через две недели после его фактического открытия. А Морской гидрофизический институт стал заранее подбирать кандидатов для будущего Отделения. Первыми такими кандидатами оказались выпускники 1957 года океанологического факультета Ленинградского высшего инженерного морского училища им. адмирала С.О.Макарова (ЛВИМУ): Владимир Балашов, Герман Куклин, Валерий

Лифшиц, Александр Новоселов, Анатолий Сизов, Владимир Сухорук и др. Они были приняты в головной институт (МГИ) в Москве именно в расчете на их работу в Калининграде ну и, естественно, сразу же задействованы в рейсах НИС «Михаил Ломоносов». Сотрудниками же собственно Отделения они стали в октябре 1958 года. Кроме выпускников ЛВИМУ в Калининградское отделение МГИ, существующее только на бумаге, были «распределены» (была такая система в вузах СССР – распределение на работу) тогда еще студенты четвертого курса трех факультетов МГУ им. М.В.Ломоносова: физического, механико-математического и географического. Первыми среди них были: географ-океанолог и сталинский стипендиат Виталий Бубнов² (впоследствии ученый с мировым именем, доктор наук, заведующий лабораторией) и геоморфолог Николай Грабовский. Затем математики - Лев Кривелевич и чета Хабет (Лидия и Федор) и физики - Маргарита Струнина (впоследствии Шматко), Вадим Пака, ставший в будущем (через двадцать один год) директором Отделения, Константин Чиграков, Михаил Науменко и Борис Тринчук. (Хабеты и Тринчук уволились из Отделения уже в 1959 году, а Чиграков и Науменко переехали вместе с МГИ в Севастополь – об этом позже). При этом, если, например, у Бубнова в направлении на работу значился просто Морской гидрофизический институт, то у физиков в направлении так и было написано: Калининградское отделение МГИ. Вероятно, это было связано с тем, что физики учились на полгода дольше остальных и оканчивали университет в январе уже 1959 года, когда Отделение пять месяцев как работало. Надо еще сказать, что кафедрой физики моря МГУ, на которой учились вышеупомянутые выпускники физфака, заведовал известный ученый - физик моря профессор А.Г.Колесников,

²О В.А.Бубнове более подробно можно прочитать в небольшой книжке автора (см. «Список книг» в Приложении).

тесно связанный с МГИ. (Он, кстати, после переезда МГИ в Севастополь, стал директором института, а заодно и академиком АН УССР). В связи с тем, что вновь создаваемое Отделение не имело ни помещений для работы, ни жилья для сотрудников, распределенные в него молодые специалисты приехали в Калининград лишь в сентябре-октябре 1958 года (а физики и того позже – в январе 1959). Тогда же в Калининград из МГИ была переведена лаборантка Валентина Борзенкова, которую семейные обстоятельства заставили уехать из столицы. Двое из выше названных сотрудников - первых сотрудников КОМГИ: Виталий Бубнов и Валентина Борзенкова проработали в Отделении до самой своей кончины.

Первым директором КОМГИ (Приказ по МГИ от 16.07.1958, № 416) был назначен Павел Алексеевич Киткин – профессор, доктор физико-математических наук и владелец престижного легкового автомобиля ЗИМ, переехавший в Калининград из поселка Кацивели в Крыму - с Черноморского отделения МГИ (ЧОМГИ). П.А.Киткин прибыл в Калининград и вступил в директорство Отделением первого сентября 1958 года – фактически именно с этого момента и начало функционировать КОМГИ. Однако Киткин очень быстро (уже в ноябре 1958 года) перебрался в недавно переведенный в Калининград из Москвы Рыбный институт (ныне Калининградский государственный технический университет - КГТУ). Там, во-первых, платили гораздо больше, а, во-вторых, Павел Алексеевич, как оказалось, давно мечтал о преподавательской работе. И тогда же его сменил новый директор – Владимир Константинович Агеноров или «ВК», как его звали в Отделении, - кандидат географических наук, доцент и капитан первого ранга в отставке (он, бывало, даже ходил по Калининграду в форме). По распоряжению В.К.Агенорова в КОМГИ было создано пять научных групп: морской гидрологии, термики моря, динамики морских течений, оптики моря и химии моря. Планировалось, также,

создание группы морской метеорологии и аэрологии, но... не получилось. Между прочим, первоначально предполагалось, что в Отделении будут функционировать не группы, а две лаборатории: морской гидрологии и морской метеорологии и аэрологии (см. *Постановление Президиума АН СССР*, стр. 5). Однако они так и не были созданы, поскольку их некому было возглавить (москвичи ехать «на периферию» не хотели, а в Калининграде с докторами и кандидатами наук в области физики моря была «напряженка»).

В сентябре, одновременно с П.А.Киткиным, с ЧОМГИ перебралось в Калининград несколько сотрудников, среди которых были: Роальд Красочкин – математик и Анатолий Парамонов – инженер-конструктор (ставший, в конце концов, сотрудником ИОАН СССР, но гораздо позднее, чем мы в Отделении), которые вскоре покинули Отделение, механик Борис Архипович Шматко, а также кандидат физико-математических наук П.Ф.Шакуров, о котором ниже.

Б.А.Шматко - человек с семиклассным образованием обладал поистине золотыми руками: он мог выполнить любой механический заказ под научные исследования, внося в него новые, улучшающие предмет заказа, качества. Борис Архипович «служил» лаборантом в группе, занимающейся разработкой новой техники, а потом стал заведующим мастерскими научного оборудования. Проработал Борис Архипович в Отделении до конца своих дней.

После того, как местные власти выделили под новую академическую организацию помещения в различных учреждениях Калининграда, в КОМГИ пришла еще одна группа молодых специалистов - выпускников ЛВИМУ, МГУ и ЛГУ, ранее работавших в других морских организациях Калининграда: Гидрографической службе ДКБФ, БалтНИРО, Промразведке и т.п. Одними из первых среди них были океанологи Евгений Баранов, Василий Жидков и Дмитрий Филиппов, химик Маргарита Калачева и автор этого очерка (тоже океанолог). Эта пятерка была принята на работу 13

октября 1958 года приказом по Отделению... № 1! Однако новая администрация Отделения еще, вероятно, не имела права издавать приказы и, таким образом, явно превысила свои полномочия. Поэтому отделенческий приказ был задним числом продублирован приказом по МГИ № 662 от 17 ноября. Но Женю Баранова, который по все тому же пресловутому распределению был направлен в гидрографию ДКБФ, эта самая гидрография не отпустила. Вернулся к нам Женя только в конце 1961 года (отработав положенные три года в гидрографии), когда Отделение уже перешло «под крышу» Института океанологии, где Женя, кстати, учился в заочной аспирантуре. Пришел к нам Женя, уже став членом КПСС. История с его вступлением в партию вполне в духе того времени. Вот она.

Однажды Гидрографическую службу, где Женя Баранов работал инженером-океанологом, посетил начальник политического управления Балтийского флота то ли контр-, то ли вице-адмирал Почупайло. Его водили по кабинетам и службам, рассказывая о работе и представляя ему отдельных офицеров и сотрудников. Представили ему и Женю. При этом сказали, что «вольнорабочий Евгений Баранов – один из лучших специалистов и к тому же аспирант Института океанологии».

- Член партии? – спросил адмирал от идеологии.

- Нет, - ответил Женя.

- Почему?

Женя неопределенно пожал плечами. Адмирал повернулся к замполиту начальника Гидрографической службы:

- Принять!

Через месяц, минув всякие препоны и преграды, Женя стал «большевиком». Ушел он из Отделения (не из партии) в 1971 году, пройдя по конкурсу во вновь открывшееся Одесское отделение Государственного океанографического института (ГОИН). Ушел он из-за обиды – его, после защиты

им диссертации, не хотели представлять в старшие научные сотрудники. Я бывал у Жени в Одессе, когда пару раз был там в командировках. Он стал вполне успешным сотрудником (естественно, старшим научным), но после провозглашения «самостийности» Украины и ликвидации Одесского отделения ГОИН, исчез из нашего поля зрения. А был Женя личностью запоминающейся: талантливым человеком – через год после окончания вуза поступил в аспирантуру (и не к кому-нибудь, а к **самому** директору Института океанологии, профессору В.Г.Корту), и красавцем (похожим на какого-то восточного аристократа) - жгучим брюнетом с копной кучерявых волос и носом с горбинкой. Это тем более было удивительным, что родом он был из Тверской «губернии». Я видел его отца, мать и сестру (они приезжали к нему в гости в Калининград), которые жили все там же – в Тверской (тогда Калининской) области. Это были типичные жители «среднерусских равнин» - русоволосые и безо всяких горбинок на носах. Оказывается, прадед Жени – унтер-офицер русской армии был участником русско-турецкой кампании и привез себе из Турции жену – турчанку. Причем турчанку не простую, а какого-то знатного рода. Вот ее-то гены и сказались на Евгении.

Надо сказать, что попасть в Отделение «со стороны» - без распределения и конкурса было весьма трудно - желающих работать в Академии наук СССР имелось предостаточно. В этой связи должен признаться, что мне «устроиться» в Отделение помог мой «хитрый» диплом. (Я-то по распределению был направлен в Промразведку при БалтНИРО, где и стал работать инженером-гидрологом). Дело в том, что я пришел в Ленинградский университет, выпускником которого стал, прямо на третий курс – с третьего же курса Высшего Военно-Морского училища им. М.В.Фрунзе (ныне ставшего Военно-Морским институтом им. Петра Великого). Вот в моем дипломе и написали: «имярек в 1955 году поступил и в 1958 году окончил полный курс названного университета». Когда я с заявлением о приеме на

работу в КОМГИ пришел к П.А.Киткину, он, посмотрев мой диплом, тут же написал на моем заявлении: «Зачислить». Потом мне рассказали, что П.А.Киткин уже без меня сказал:

- Человек университет за три года окончил! Талант! Надо принять...

Вскоре, правда, «недоразумение» выяснилось, но никаких негативных последствий для меня не имело. В-первых, я уже был принят в Отделение, а, во-вторых, оказалось, что мы с новым директором В.К.Агеноровым учились в одном училище, только, естественно, в разные годы и на разных факультетах.

В середине 1959 года в Отделение пришла еще одна группа молодых специалистов: выпускники МГУ им. Ломоносова - метеорологи Людмила Кооль и еще две барышни («барышни» вскоре покинули Отделение по семейным и иным обстоятельствам) и океанолог Вадим Навроцкий с женой Светланой. Светлана окончила Одесский гидрометеорологический институт по кафедре гидрологии суши, но переквалифицировалась в океанолога и продолжает работать в Отделении по сию пору, а Вадим стал дальневосточником – главным научным сотрудником Тихоокеанского океанологического института им. В.И.Ильичева. Пришли, также, выпускники Московского гидрометеорологического техникума: Рая Серегина (впоследствии Дымова), Алла Бондаренко и несколько позже Володя Бузовкин, Нина Егорихина, Люся Зайцева, ставшая Бузовкиной, и другие, фамилии которых я не запомнил.

С момента начала фактического существования Отделения в нем были созданы АХО (административно-хозяйственный отдел) и несколько позже научная библиотека. Уже второго сентября 1958 года АХО возглавил бывший военный политработник, а затем работник РК КПСС, подполковник в отставке Иван Тихонович Шульгин. А заведовать библиотекой, для комплектации которой первоначально закупались книги, продающиеся в

букинистических магазинах (среди них попадались совершенно уникальные экземпляры), стала Нина Брыленко - студентка-заочница библиотечного института, веселая, разбитная и весьма общительная барышня, при которой библиотека стала настоящим клубом молодых научных сотрудников. Нашелся и человек, который стал исполнять обязанности ученого секретаря Отделения – молодой специалист Эдик Лямин. Собственно говоря, должность ученого секретаря была введена в штатное расписание Отделения значительно позднее (точной даты я не помню, но, думаю, это было сделано только после того, как Отделение перешло под эгиду Института океанологии), но обязанности его все равно кто-то исполнял.

После ухода на пенсию И.Т.Шульгина на должности начальника АХО – заместителя директора Отделения по административно-хозяйственным вопросам (сейчас это – зам. по общим вопросам) – сменилось довольно много разного рода людей. Среди них: инженеры-электронщики Б.М.Арван и И.Е.Дударева, бывший зам. начальника Калининградской базы рефрижераторного флота по быту Н.П.Майстренко, совмещавший должности двух замов - по АХО и по флоту, некий отставной капитан первого (а может, второго) ранга С.Ф.Кравченко, судовой механик В.Г.Белоокий и кто-то еще. Сейчас должность заместителя директора Отделения по общим вопросам занимает человек, знающий и любящий науку, неоднократно бывавший в экспедициях, ранее работавший старшим научным сотрудником, Владимир Михайлович Слободяник, старающийся сделать все, что в его силах (и даже больше), чтобы Отделение было истинно академическим учреждением.

Учеными секретарями Отделения (вернее - исполняющими обязанности ученых секретарей) после старшего лаборанта Э.Лямина побывали четверо: военный пенсионер - инженер А.А.Зайцев (о нем позднее), старшие инженеры И.Т.Иваткина и Э.И.Карабашева и старший

научный сотрудник Л.В.Кооль. При этом А.А.Зайцев, как военный пенсионер, не мог быть даже старшим инженером, т.к. был бы лишен своей военной пенсии – таковы были «суровые» законы СССР. Первым же настоящим - штатным ученым секретарем, прошедшим через процедуру выборов – сначала научно-технического совета Отделения, а затем и Ученого совета Института (причем, дважды – на два пятилетних срока) стал я. Дело в том, что я не захотел «сидеть на двух стульях» - быть старшим научным, но исполнять обязанности ученого секретаря, а выборов я не очень-то и боялся.

Что же касается научной библиотеки Отделения, то она за эти годы завоевала весьма высокий авторитет среди научного сообщества и студентов Калининграда. Ее библиотечный фонд (книги, журналы, экспедиционные и тематические отчеты) насчитывает более сорока тысяч наименований. Сейчас в библиотеке трудятся две истинные энтузиастки библиотечного дела: Лариса Михайловна Татарян и Людмила Сергеевна Потапова.

Но, «вернемся к нашим баранам». В начале 1960 года В.К.Агеноров то ли по семейным обстоятельствам, то ли по какой-то другой причине навсегда отбыл в Москву. После непродолжительного времени, характерного тем, что на месте директоров появлялись то Ю.В.Истошин, то Г.П.Пономаренко, то еще кто-то, так же быстро исчезающие, как и появлявшиеся, директором КОМГИ стал кандидат географических наук Николай Константинович Ханайченко, переведшийся в Калининград из Мурманского управления гидрометеослужбы. Чуть позже в Калининград тоже с Севера приехал и вскоре стал исполнять обязанности ученого секретаря Отделения, вышедший в отставку начальник Гидрометеорологической обсерватории Северного флота, подполковник Анатолий Александрович Зайцев – исключительно порядочный, добрый и славный человек, взявший под свою опеку молодых сотрудников. Кстати,

весьма поучительны две истории, произошедшие с А.А.Зайцевым: одна - во время войны, другая – уже в то время, когда Анатолий Александрович работал в Отделении. Об обеих историях Анатолий Александрович рассказал нам сам. Эти истории, как мне кажется, в какой-то степени характеризуют и самого Анатолия Александровича.

История первая – военная. Анатолий Александрович окончил Гидрометеорологический институт в самый канун войны. И вот – война. И Анатолия Александровича, что совершенно естественно, призывают в армию - на флот. Но в институте, который окончил А.А.Зайцев, не было военной кафедры, и он стал просто краснофлотцем (матросом). Однако, на Северном флоте, куда попал А.А.Зайцев, нашелся умный человек, который понял, что матросу с высшим специальным образованием лучше служить во флотской гидрометеорологической обсерватории, чем на боевом корабле – пользы для флота будет куда больше. Так молодой инженер-метеоролог, будучи рядовым, стал делать прогнозы наряду с офицерами. А надо сказать, что в этой обсерватории Анатолий Александрович был единственным метеорологом с высшим образованием. Все остальные (даже начальник обсерватории – старший лейтенант) были техниками-метеорологами. Таким образом, Анатолий Александрович стал «служить» по своей специальности и вот тут-то его возненавидел старший по команде матросов, которые обслуживали обсерваторию (а А.А.Зайцев, естественно, «квартировал» с рядовым составом). Этого «старшего», видимо, задевало то, что рядовой матрос весь день наравне с офицерами – «наверху». И стал этот «старшой» – старшина второй статьи по званию – всячески Зайцева третировать: днем Анатолий Александрович работает, как синоптик, а ночью по милости старшины «нарядит» - то картошку чистит на камбузе, то «дневалит».

- Я, - рассказывал Анатолий Александрович, - от усталости и недосыпа самым настоящим образом стал валиться с ног...

И тут произошло следующее: Анатолий Александрович сделал прогноз для похода подводных лодок (он, как самый «ученый», именно на лодках и «сидел»). Поход был очень важным, лодки весьма успешно выполнили свою задачу, отчасти благодаря хорошему прогнозу, и без потерь вернулись на базу. Поздравить и поблагодарить синоптиков в обсерваторию приехал сам командующий Северным флотом вице-адмирал Арсений Григорьевич Головкин.

- Кто готовил прогноз для лодок? – спросил адмирал выстроившихся офицеров.

Офицеры расступились, и адмирал увидел спрятавшегося за их спинами молоденького матросика.

- Кто таков? – спросил адмирал.

Ему объяснили. Адмирал мгновенно все понял:

- Так, - сказал он А.А.Зайцеву, - с этого момента вы – капитан по званию и начальник обсерватории. А за прогноз – орден: «Красная Звезда». Благодарю и желаю удачи!

Так Анатолий Александрович из рядового матроса стал в одночасье капитаном (персонал, «обслуживающий» флот, носил сухопутные звания) и начальником обсерватории, в которой и прослужил до самой своей отставки. А что же старшина команды? Он так перепугался (не иначе новый начальник отомстит - на фронт пошлет), что даже заболел. Но Анатолий Александрович мстить старшине не стал. Он просто перестал его замечать.

История вторая – отделенческая. Когда Анатолий Александрович стал работать у нас, он, как сам рассказывал, был несколько смущен, а вернее – шокирован, нашим – молодых сотрудников - «нигилизмом» в отношении родной партии и государства. Нет, мы не были, конечно, диссидентами. Просто, побывав за границей и увидев тамошнее «разложение», мы стали реально смотреть на жизнь.

Анатолию Александровичу, прослужившему всю сознательную жизнь в армии – на флоте, это казалось, мягко говоря, странным, тем более учитывая, что он вскоре стал секретарем партийного бюро Отделения.

- Я не мог понять, - рассказывал нам потом Анатолий Александрович, - как вы – комсомольцы так относитесь к советской действительности.

(В скобках скажу, что Анатолий Александрович **никогда** не пытался нас как-то «усекновить» - он был, как я уже сказал, глубоко порядочным человеком). Однако вскоре Анатолий Александрович сам стал ярким партийным «диссидентом». Подвиг его на это визит к первому секретарю обкома партии Коновалову, которого боялись и ненавидели даже сами работники обкома. Дело было так. Анатолия Александровича вызвали «на представление» (новый секретарь - новой организации). Анатолий Александрович пришел в обком. Коновалов оказался занятым и Анатолию Александровичу предложили минут двадцать подождать. Анатолий Александрович даже обрадовался: проходя по коридору второго – «секретарского» этажа, он видел буфет, где продавались сосиски – немыслимое лакомство по тем временам. (Мой младший сын, например, знал о сосисках только по роману Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»). И Анатолий Александрович поспешил к вожделенным сосискам.

- Дайте мне сосисочек килограммчик, - вежливо обратился наш посетитель обкома к буфетчице.

Та на обращение Анатолия Александровича никак не отреагировала. Анатолий Александрович слегка повысил голос (а, надо сказать, что он был «при параде» - при всех своих наградах – однако к «первому» пришел, не к последнему):

- Я просил у вас сосиски, вы что, не слышите?

Буфетчица повернулась к Анатолию Александровичу и сказала:

- Пошел вон!

Анатолию Александровичу стало нехорошо – сердце прихватило. Он посидел в приемной, отдышался, а когда, наконец, оказался пред «светлыми очами» Коновалова, в конце беседы пожаловался на буфетчицу.

- Незачем было в **наш** буфет лезть, - сказал первый секретарь, - проголодались – пошли бы вниз – в столовую. Там бы вас обслужили.

Вот так Анатолий Александрович и стал «диссидентом».

Тогда же, когда директором Отделения был назначен Н.К.Ханайченко, а ученым секретарем А.А.Зайцев, в Отделении было создано еще три научные группы: теории течений, морской метеорологии и глубоководного промера, которые присоединились к группам, созданным ранее и работающим в выделенных Отделению помещениях. А помещения Отделения оказались разбросанными по всему городу. Они были в Управлении морского торгового порта (там «сидели» гидрохимии и АХО), в здании Железнодорожного техникума, ставшем вскоре общежитием переведенного из Москвы Рыбвтуза, в подвале какого-то жилого дома застраивающегося Ленинского проспекта и еще где-то. Отделению было также выделено несколько мест в общежитии Калининградской маслобазы, где и поселилась часть молодых сотрудников. Общежитие это было совершенно жутким по санитарному состоянию и условиям жизни и далеко не все сотрудники, первоначально поселившиеся в нем, смогли выдержать эту «сладкую» жизнь до конца. Несколько позднее городские власти дали Отделению немного мест (причем исключительно для молодых **сотрудниц**) в общежитии Калининградского пединститута, который вскоре стал университетом. Остальные молодые специалисты, особенно семейные, худо-бедно снимали жилье в частных домах, тратя на это и так весьма скудные лаборантские средства. Что же касается работы, то основная масса

сотрудников, включая директора, ютилась в здании общежития бывшего Мосрыбвтуза, ставшего КТИ (техническим институтом), в Малом переулке. (До общежития, как я уже сказал, в этом здании был Железнодорожный техникум). Здание было старым, чудом сохранившимся во время войны, грязным и неухоженным. Полы здания были покрыты чем-то вроде асфальта, а туалеты были «тыпа сортир», как говорил герой Анатолия Папанова из кинофильма «Бриллиантовая рука». Отделение занимало три или четыре довольно большие комнаты на четвертом этаже здания, причем для директорского кабинета в одной из комнат был выделен фанерный закуток. С этим зданием у нас - сотрудников КОМГИ, а потом КОИОАН связано много анекдотов. Вот некоторые из них.

Несмотря на то, что Отделение жило своей обособленной жизнью, а общежитие КТИ своей, жизнь общежития была нам немного знакома. И, судя по некоторым признакам, оно – общежитие потихоньку стало превращаться в такой... небольшой бордель. Однажды, придя утром на работу, мы увидели внизу - в холле общежития яркую стенную газету-молнию – результат ночного рейда деканатов (в общежитии жили студенты двух каких-то факультетов) и комитета комсомола института. В газете были помещены фотографии, снабженные подписями нижеследующего содержания: «У студентки *N* (*фамилия студентки называлась - АЗ*) вместе с ней **в ее постели** был обнаружен **неизвестный** мужчина. На вопрос: «Кто это?» студентка *N* ответила, что не знает». В результате, в общежитии была введена пропускная система. Комендант здания (естественно, общежитейский) потребовал введения пропусков и для нас – сотрудников Отделения. Естественно, молодому лаборантскому составу КОМГИ эта идея не показалась такой уж блестящей. Во-первых, за фотографии на пропуска надо было платить, а мы все были бедны, как церковные мыши. Во-вторых, не очень-то хотелось куда-то идти фотографироваться. И тогда я взял

журнал «Польша» (был такой неплохой журнал в те времена) и, найдя в нем большую семейную фотографию, размеры лиц на которой соответствовали снимкам, необходимым для пропусков, нарезал столько «фотографий», сколько было нужно. Заполнив пропуска нашими фамилиями и приклеив к ним «фотографии» соответственно половой принадлежности, я пошел к коменданту – подписывать их и ставить печати. На свой пропуск я приклеил «фото» пожилого и весьма уважаемого и почтенного господина. Когда комендант (а это была молодая дама бальзаковского возраста) подписывала пропуска, она задержалась на моем пропуске и, посмотрев на «мою» «фотографию», сказала: «Сразу видно – большой ученый». Я не стал возражать. С этими пропусками мы ходили на работу вплоть до переезда в свое собственное здание.

Практически все сотрудники Отделения ходили обедать в две «точки» «общепита» (так назывались при советской власти заведения, в которых кормился простой народ). Это были: столовая при гостинице (а фактически общежитии) ДКБФ – вполне грязное и неухоженное заведение и ресторан Южного вокзала, который звался «Форелью» (так, якобы, он назывался у немцев). Ресторан был вполне приличным, да и кормили в нем лучше, чем в военно-морской столовке, а днем к тому же он работал по ценам обычной столовой. Однако к концу месяца, когда до зарплаты оставалась неделя-другая почти все молодые сотрудники переходили на скромные бутерброды и чай, питаясь, не отходя от рабочего места. Кстати, поход в «Форель» еще назывался у нас: «пойти к Ильичу». Дело в том, что между входом в ресторан и входом в туннель, ведущий к платформам, стояла статуя Ленина, который протянутой рукой указывал точно на дверь «Форели», как бы предлагая – не мешкая туда войти.

Недалеко от места нашей работы – общежития КТИ был парк, названный впоследствии именем сорокалетия ВЛКСМ. В парке был небольшой пруд, тогда довольно

чистый, куда мы летом во время обеденного перерыва ходили купаться. «Главными» купальщиками были Вадим Пака и я. Как-то, плавая в пруду, мы столкнулись с плывущим нам навстречу ужом. Уж был Пакой пленен и на берегу, одеваясь, Вадим завязал его вокруг шеи на манер шейного платка. Или галстука. Голову и хвост «змея» Вадим спрятал под рубашку. Придя на работу, мы зашли зачем-то в библиотеку. Тут следует сказать, что библиотека занимала одну из комнат, которая была почему-то оснащена мощной железной дверью. Подойдя к сидевшей за своим столом Нинон (так мы звали библиотекаря), Вадим наклонился над ней, что-то говоря. В это время уж выпростал голову из-под рубашки Вадима и, высунув язык, сказал: «Шшшш». (Вот уж воистину – гад!). Ну откуда мы могли знать, что Нинон боится ужей? Она, явно потеряв дар речи, выпала из-за стола, проползла пару метров по полу на коленках и, открыв головой стальную дверь, оказалась в коридоре. Тут к ней вернулся голос: это был вой пожарной сирены. Не разговаривала с нами Нинон почти месяц.

Два анекдота связаны, в частности у меня, со Львом Кривелевичем³ – руководителем группы теории течений. Лева, как истинный ученый, был несколько рассеян, но при этом очень солиден. Он был лет на пять старше нас (успел до окончания МГУ окончить артиллерийское училище и даже послужить командиром батареи где-то на Дальнем Востоке), ходил с большим толстым портфелем, набитым книгами и материалами, и даже был членом КПСС. Частенько мы подкладывали Лева в портфель кирпичи, которые он благополучно относил домой, а затем (как правило) – назад на работу (т.е. дома он портфель, судя по всему, не открывал). Но

³Л.М.Кривелевич впоследствии ушел на преподавательскую работу в КВИМУ (ныне БГА). У нас же довольно долго работал его сын – Илья. Недавно мне передали от них обоих привет – из Нью-Йорка.

все это были цветочки. Однажды Лева, сидя за своим столом, корпел над какой-то формулой (я уже говорил, что он был математиком-теоретиком). Когда он на минуту вышел из комнаты по каким-то своим делам, я подошел к его столу и заглянул в тетрадь. Формула, которую выводил Лева, была на двух страницах. Посмотрев на математические символы, цифры и знаки формулы, я взял Левину ручку, поставил в конце формулы знак равенства и «дописал» ее, стараясь не исказить Левин почерк. Когда Лева вернулся, он сел за стол и долго, подперев голову руками, смотрел в свою тетрадь. Потом я отвлекся и забыл о своей шутке. На следующий день Лева пришел на работу чуть позже, чем обычно. Был он какой-то «смурной» и явно не выспавшийся. Не подходя к своему столу, Лева подошел ко мне и спросил таким тоном, что я даже немного испугался: «Твоя работа?» и он сунул мне под нос свою тетрадь. Я пожал плечами, не говоря ни да, ни нет. Целую неделю Лева со мной не общался. Уже потом он рассказал, что, увидев «результат» вычислений, стал думать: как **такое** могло получиться. Так ничего и не поняв, Лева стал вычислять заново. Дома он проработал почти всю ночь и, только подойдя к концу вычислений, понял, в чем дело. Видимо, я здорово сумел сымитировать Левино произведение.

Второй случай, связанный с Кривелевичем, был совсем «из другой оперы». Выше я уже описывал общежитейские «места общего пользования». И вот администрация общежития (или КТИ) решила эти самые «места» привести в цивилизованный вид. Стены «мест» и пол облицевали кафелем, а на стены еще и повесили красивые фаянсовые писсуары. Однажды мы с Левой пошли отдать дань природе, а заодно обновить и новшества «мест общего пользования». Только, только мы подошли к середине процедуры, как в помещение вошла старуха-уборщица. Вошла и... стала нас с Левой ругать последними словами. Среди потока непечатных слов попадались и почти приличные фразы, например: «академики засратые». Мы с Левой не могли понять, в чем

дело? Вроде бы мы в мужском помещении, а не в женском, плохого ничего не делаем, за что нас так? И только, когда мы выходили из помещения, мы поняли, за что нас материли. Под занавес бабка разразилась тирадой, конец которой был следующим: «Им – паразитам такие **рукомойники** повесили, а они в них ссут!». Простите за вульгаризм.

Любимый же анекдот сотрудников Отделения был связан с К.В.Морошкиным, ставшим директором, когда Отделение перешло под эгиду Института океанологии (об этом ниже). Сидя у себя в закутке, он корпел над бумагами (это было перед самой его защитой диссертации) и очень негодовал, когда его отрывали от «тяжелого интеллектуального труда»: «Сейчас переключусь» - говорил он, хватаясь за голову. Однажды, когда его допекли особенно сильно, он не выдержал и выдал нижеследующую тираду: «Невозможно работать - ходят и ходят ко мне: то по малой нужде, то – по большой!».

В это голодное, но веселое время (зарплата старших лаборантов была мизерной, а жилье, как было сказано выше, снималось) молодой коллектив каждые выходные дни на отделенческой машине-вездеходе ГАЗ-69 выезжал за город – на Куршскую косу, Голубые озера или в Зеленоградск со Светлогорском. Это было здорово, так как выбраться на взморье обычным путем было весьма проблематично: в Зеленоградск ходил старый паровик (ездили даже на крышах вагонов), а в Светлогорск по воскресеньям с площади Победы отправлялись грузовики с установленными поперек бортов досками – «скамейками». Это и был весь загородный транспорт (в то время электрички ни в Светлогорск, ни в Зеленоградск еще не ходили, а автобусы были столь редки, что никто не знал, существовали ли они вообще). Тогда же трое наших молодых сотрудников (Вадим Пака, Маргарита Струнина-Шматко и Ваш покорный слуга) стали заниматься подводным плаванием, для чего Отделением был куплен акваланг. Тренировки проводились на Голубых озерах,

которые в те времена были чистыми и прозрачными. Когда в акваланге или в так называемом «комплекте номер один»: ласты, маска, трубка названная тройка опускалась в воду, на берегу собиралась толпа любопытных – для аборигенов все это было внове. Кроме простых тренировок, мы с Пакой, соорудив себе по подводному ружью (Вадим их разработал и сделал чертежи, а я воплотил его разработки в жизнь), стали на тех же Голубых озерах охотиться. Тогда там было много больших жирных карасей и линей. А ружья были хороши: стрела пробивала трехсантиметровую доску. Там же – на Голубых озерах мы иногда находили на дне весьма интересные или полезные предметы. Так, Вадим однажды нашел часы «Победа» со смытым циферблатом. Он часы разобрал (конструктор, однако!), высушил, тушью нарисовал цифры и пользовался ими (они – пошли!) вплоть до того, как стал... думаете директором? Нет, младшим научным сотрудником.

Однажды мы с Маргаритой (Паки с нами не было) через свое «подводное плавание» даже пострадали. Дело было в Светлогорске. Мы решили в «комплекте номер один» поплавать в море. Только-только отплыли от берега метров на 100-150, как к нам с жутким воем подошел пограничный катер и нас (довольно грубо) втащили на его борт. Оказалось, что плавать в ластах, а также на надувных матрацах и тому подобных «плавсредствах» категорически запрещено – советская власть боялась бегства своих граждан в Швецию (это - через Балтийское-то море!). Увезли нас километров за шесть-восемь на погранзаставу. Отругав, нас все же отпустили и мы пешком – я в плавках, а Маргарита – в купальнике с «комплектами» в руках, увязая в песке, около часа «чесали» потом по пляжу до нашей одежды.

Ездили мы – все сотрудники Отделения и на сельскохозяйственные работы – участвовали в «битве за урожай»: пололи с/х «культуры», убирали с полей картофель, капусту, морковь или (если повезет) помидоры. Помню, как во

время одной из прополок пошел дождь, и мы все спрятались от него в полуразрушенном коровнике. О том, что это коровник, свидетельствовали проржавевшие автопоилки на его стенах. Последней в коровник вбежала одна наша сотрудница (увы, ее уже нет в живых), у которой зачастую слова несколько опережали мысли. Вбежала она в коровник, огляделась, увидела поилки и радостно произнесла:

- Ну, надо же! Прямо как в мужском туалете!

Нашему восторгу не было предела.

И еще помню, как повезло однажды мне. Мы работали в совхозе «Приморский» - пололи какую-то «овощную культуру». Кажется, капусту. И я выполол из земли большой, красивый кусок янтаря. Потом мне все предлагали пополоть на их делянках...

А зимой нас направляли на овощные базы: грузить овощи на грузовики - для магазинов (грузчики были заняты более приятной работой - они пили) или разгрести сгнивший картофель. Последнее - было самым страшным: от гниющего картофеля шел такой нестерпимый смрад, что приходилось завязывать нижнюю часть лица платком, чтобы не дышать напрямую. Однажды именно на такой «работе» я оказался старшим группы. По окончании работ я, слегка отдышавшись, пошел к завбазой подписывать накладную (или направление - не помню, как этот «документ» назывался). В кабинете я увидел жирную, рыхлую бабу, увешанную золотыми побрякушками, с ногтями на пальцах немых рук, покрытыми красной краской (было впечатление, что **масляной**), сидевшую за столом с двумя парнями уголовного вида (видимо, грузчиками). Троица пила коньяк, закусывая его бужениной и икрой (не баклажанной).

- Подпишите накладную, - сказал я, сглатывая слюну, - работу мы закончили....

- Вот чем мне нравится интеллигенция, - сказала баба, обращаясь к собутыльникам, - так своей безотказностью. Работяги с завода пришли - отказались на бункере с гнильем

работать, а эти, - и она кивнула в мою сторону, - пожалуйста. Говно, так говно – им ведь все равно! – и вся троица весело заржала.

- Под-пиши-те нак-лад-ную..., - я начал тихо звереть.

- Да ты не спеши, - продолжила завбазой, обращаясь уже ко мне, - сядь с нами, выпей – устал, небось, говно разгребая! – и они снова заржали.

Видимо, выражение моего лица стала таким, что она испугалась:

- Да, что вы, что вы, сейчас подпишу, - и, подписав, льстиво сказала мне вдогонку, - хорошие вы работники, я в райком позвоню, чтобы вам благодарности объявили....

Резиновые сапоги, в которых я работал, пришлось выбросить – «запах» «говна» так и не выветрился.

И еще один бич очень мешал нашей работе: это - так называемое «социалистическое соревнование», согласно которому каждый сотрудник, независимо от ранга и должности, обязан был брать на себя дополнительные (относительно утвержденного плана) обязательства. Естественно, приходилось запланированную работу делить на «плановую» и «социалистически обязательную», то есть все это было чистой воды липой. Однако времени отнимало много. Соцобязательства сумел отменить я (чем и горжусь), когда был секретарем парткома.

Дело было так. В качестве преамбулы скажу, что в нашем райкоме партии (куда входила наша парторганизация) работала инструктором одна особа по имени Валя. Была особа весьма привлекательной (вероятно, в связи с этим и попала на «руководящую» работу), и только заглянув в ее глаза и увидев там абсолютную пустоту, можно было сделать вывод о «мощи» ее интеллекта. Так вот. На профсоюзное собрание коллектива Отделения, на котором принимались эти самые «социалистические обязательства» райком прислал (видимо в помощь мне – «молодому» секретарю парткома) Валу. Началось собрание. Как всегда, первым пунктом

отделенческих соцобязательств был следующий: «выполнить запланированные работы досрочно – к 15 декабря текущего года». Далее предлагались другие, не менее «важные» обязательства, с которыми выступали запланированные «дежурные» ораторы. Все это время я, сидя вместе с Валею в президиуме, не проронил ни слова.

- А что же молчит секретарь парткома, - не выдержала Валя, - ему что, сказать нечего?

И тогда встал я:

- Скажите, - обратился я к Вале, - а что делать сотрудникам в оставшиеся после 15 декабря две недели?

- Как что, - обрадовалась Валя, - работать в счет следующего года.

Бедная, она не поняла, какую мину я ей приготовил.

- Тогда, - сказал я, - план этого года надо выполнить не к 15 декабря, а к 15 августа.

Тихий монотонный шум, стоящий в зале, стих. Зал насторожился.

- Судите сами, - продолжил я и достал заготовленные листы с соцобязательствами Отделения за предыдущие годы, - мы начали принимать соцобязательства в NN году, так? И каждый раз, согласно обязательствам, заканчивали плановые работы на две недели ранее положенного срока и начинали работать в счет будущего года. Таким образом, у нас за эти годы набежало NN-е число недель и мы, соответственно, должны закончить план к 15 августа, вот документы.

Зал «лег», а бедная Валя так растерялась, что стала заикаться. Не дав ей опомниться, я, вспомнив кинофильм «Девять дней одного года», добил ее:

- И, кроме того, как могут соревноваться между собой ученые? Что – кому первому придет открытие в голову? Вы понимаете, что все это идиотизм?

- Идиотизм, - тихо согласилась Валя.

На следующее утро мне позвонил первый секретарь райкома партии:

- Вы что, действительно отменили соцсоревнование? - спросил он.

- Да, - ответил я, - и ваш представитель нас в этом поддержал.

- Дура! – с чувством произнес секретарь и добавил, - да и мы хороши – пустили агнца к волкам. Ладно, - сказал он, - хрен с вами, не соревнуйтесь. Между нами, это действительно идиотизм (*шел второй год Перестройки и взгляды партноменклатуры менялись к лучшему – АЗ*), но ваши суда пусть соревнуются – на них и будете выезжать.

Так я отменил социалистическое соревнование в отдельно взятом учреждении.

А ведь были еще «субботники» и «воскресники», когда научные сотрудники заменяли «культурно отдыхающих» дворников. Были «праздничные демонстрации» по красным дням – седьмого ноября и первого мая. Впрочем, с демонстрациями было проще: кажется только один раз за все время существования Отделения мы «демонстрировали» своей колонной. У нас была даже сделана эмблема Отделения (потом она долго пылилась в отделенческом дворе, пока и не сгнула вовсе). Но обычно, поскольку нас было мало (большинство было в экспедициях), мы шли, «присоседившись» к АтлантНИРО, и когда, наконец, подходили к выходу на площадь – к трибунам с областным руководством и «передовиками производства», то быстренько «рассасывались» по ближайшим переулкам.

Кроме «добровольно-обязательных» мероприятий, перечисленных выше, мы все – научные сотрудники активно участвовали в работе, которая называется «популяризацией науки». Мы были лекторами общества «Знание» и, пребывая на берегу, регулярно выступали перед «трудящимися», рассказывая об исследованиях океана. Нашими постоянными лекционными «пунктами» были два санатория: «Янтарный берег» в Светлогорске и «Зеленоградск» (соответственно, в Зеленоградске). Руководил нашей отделенческой

организацией «Знание» В.А.Бубнов. А «главными» лекторами были Р.В.Абрамов, А.И.Блажчишин, В.А.Бубнов, Е.М.Емельянов, А.Б.Зубин, Л.В.Кооль, А.-Э.С.Тримонис, М.А.Шматко и некоторые другие сотрудники. В санаториях нашими основными слушателями были старички и старушки (молодежь и зрелые, но крепкие отдыхающие предпочитали танцы). Кстати, за лекции платили, что было некоторым подспорьем к нашей зарплате. Кроме этого, мы (главным образом, А.-Э.С.Тримонис и я) очень часто выступали в так называемом «Клубе зарубежного туризма». Туда приходили люди послушать тех немногих счастливых, которые побывали в турпоездах за границей, а последних обязывали там выступить. Но когда таковых не оказывалось («Клуб» заседал два раза в месяц), приглашали нас – бывающих за границей регулярно (во время экспедиций), и о своих путешествиях рассказывали мы. В конце концов, мы с А.-Э.Тримонисом стали сопредседателями этого клуба.

Выступали мы и в школах, причем, как в старших, так и в младших классах. Для меня совершенно незабываемым осталось мое первое школьное выступление – в первом классе, в котором учились мой старший сын Алексей, Илья Кривелевич, Слава Навроцкий и Аркадий Пака, а также Андрей Крылов (на которого моя беседа, якобы, произвела такое впечатление, что он стал физиком моря). Итак, мой рассказ об океане и его изучении уже подходил к концу, вот-вот должен был закончиться урок и первоклассники стали задавать вопросы (вполне «океанологические»). И тут я увидел, что на задней парте девочка тянет руку, пытаясь тоже задать вопрос, но учительница ее не видит.

- Антонина Ефимовна, - обратился я к учительнице, - вон на задней парте девочка давно поднимает руку...

- А, Вика, ну и какой вопрос ты хочешь задать Александру Борисовичу?

- А что..., а что..., - Вика даже задыхалась от полученной возможности задать явно «наболевший» вопрос, - а что... **едят верблюды?!**

И еще. Как и во всех организациях Советского Союза у нас функционировали партбюро (а когда число научно-исследовательских судов перевалило за пять, и штатный состав Отделения стал более пятисот человек, – партком) и философский семинар научных сотрудников (у ИТР и АХО были общественно-политические кружки). Все это было обязательным и строго контролировалось вышестоящими партийными органами. Партия тогда называлась КПСС и в противоположность аналогичной партии «Единая Россия» была **одна**. У нас философским семинаром руководил Рудольф Васильевич Абрамов. Кстати, вопросы, которые мы рассматривали на этом кружке, были достаточно интересными (мы добились разрешения самим выбирать их тематику). А вот наше партийное руководство на протяжении существования Отделения сильно изменилось. Сначала нашими партийными «вождями» были лишь работники АХО (мы-то все, кроме трех научных сотрудников - З.Н.Матвеевой, Льва Кривелевича и Рудольфа Абрамова, были беспартийными). Но потом, постепенно, мы все «пролезли» в партию и взяли власть в свои руки, сделав партбюро «научным». Последним – «перестроечным» секретарем парткома был я. Заместителями у меня были А.-Э.С.Тримонис (идеология) и В.Д.Егорихин (оргработа), членами парткома – В.Т.Пака («по должности» - директор), В.А.Бубнов, В.В.Сивков, В.Л.Стрюк, и другие **научные** сотрудники. Были в парткоме еще члены судовых команд, но они, как правило, отсутствовали – находились либо в море, либо в отгулах и отпусках. С гордостью могу констатировать, что наш партком делал все, чтобы защитить от вышестоящих партийных и «специальных» органов, как наших сотрудников, так и членов команд наших кораблей (правда, надо признаться, удавалось это не всегда). Вот три небольших примера.

Пример первый. Береговое флотское руководство в лице замдиректора по флоту и начальника отдела кадров (тогда не было строгого разделения на «науку» и «флот»), бывало, пыталось взять в команду «Курчатова» кого-нибудь из своих знакомых или успешно «дарящих». (Должен отметить, что предшественницы нынешней завкадрами В.В.Дашинской были бо-о-ольшими любительницами «подарков»). Для того чтобы освободить место «своему человеку», с судна под «благовидным» предложением списывался кто-то из «не своих». (И, надо сказать, что до «нашего» парткома им это вполне удавалось). Иногда же человека убирали просто за строптивость. Механика всего этого была проста и только на нашем парткоме она начала давать сбои.

- Александр Борисович, - обращается ко мне завкадрами, - моториста N придется снять с судна, а то и визу закрыть...

- А в чем дело, - спрашиваю я, хорошо зная N, как прекрасного специалиста, но «слишком принципиального» (по мнению «берегового» начальства) человека, - что он такого натворил?

- **Оттуда** требуют..., - и завкадрами кивает в сторону обкома КПСС (при этом, видимо, предполагается, что **туда** никто обращаться не будет – побоятся!).

Естественно, я тут же звоню в обком и выясняю, что никаких указаний по поводу N оттуда не поступало. Пришлось завкадрами вызвать на партком и дать хорошую выволочку.

Пример второй (из неудач). Как-то на заседание парткома пришел наш «куратор» (надеюсь, объяснять, кто это, не требуется). Не помню ни его имени, ни фамилии. Пришел он и говорит:

- Вашему аспиранту А.К. надо визу закрыть. Представляете, во всеуслышание заявил, что Сахаров – крупный ученый! Это же надо! Враг – и вдруг крупный ученый!

- А что, - спросил В.Т.Пака, - крупный ученый не может быть врагом? Или наоборот, враг не может быть крупным ученым? А как же...

Тут я понял, что Вадим вспомнил создателя ФАУ-2 оберштурмбанфюрера СС Вернера фон-Брауна, и на всякий случай пнул директора под столом ногой.

- Если Сахаров не ученый, то за что ему звание Героя социалистического труда присвоили, - спросил В.А.Бубнов.

- А он, что - Герой соцтруда? – удивился «куратор», - а я и не знал. Ну что ж, бывают ошибки....

- Ошибиться можно один раз, но три раза.... Сахаров ведь трижды Герой и еще лауреат нескольких Сталинских, то бишь – Государственных премий и Ленинской, - вмешался в разговор я, - вы хотя бы в Большую Советскую энциклопедию заглядывали? Слышали когда-нибудь о такой? Там все написано.

- Вот как? – совсем удивился «куратор», но по поводу энциклопедии ничего не сказал – видимо, такого рода издания не были ему известны, - а что же он сделал такого - Сахаров ваш?

- Бомбу он сделал водородную, - хором ответили мы, - страну нашу защитил. Так что визу нашему аспиранту мы закрывать не будем.

(Увы, визу Андрею Крылову, а это был именно он, закрыли сами «компетентные» органы).

Пример третий. Наверное, мало кто помнит (или знает), как оформлялись выездные визы, в частности, нам – участникам экспедиций. Эта была процедура, совершающаяся где-то в недрах обкома КПСС и УКГБ, причем, как это видно из второго примера, позволяющая «на местах» широко развиваться коррупции. Я уже не говорю о попирании человеческого достоинства. И мы в парткоме решили с этим как-то бороться. У себя-то мы взяли это дело хоть под какой-то, но контроль (что и выводило из себя наших внутренних «визовиков»), а вот, что касается самого принципа

визирования... - тут мы были бессильны. Бессильны, но не совсем. В феврале 1989 года в одном из журналов под рубрикой «Общественное мнение» появилась небольшая заметка под названием «Унижение недоверием», автором которой был секретарь парткома АО ИОАН, член ревизионной комиссии Калининградского горкома КПСС А.Зубин. Хочу еще отметить, что и.о. редактора этого журнала в это время был один из самых ярких людей, с которыми мне довелось встречаться, ученый и общественный деятель Егор Тимурович Гайдар. Так вот. После публикации этой заметки ко мне стали «заходить на огонек» наши славные кураторы и объяснять мне – недоумку, как я неправ: ведь изменись порядок визирования, и добрая половина населения СССР сбежит за границу (каждый ведь судит по себе). Однако «укусить» меня они не могли – журнал был не каким-то там оппозиционным «Огоньком» или того хуже - «Новым временем», а органом Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза и имел «специфическое» название: «Коммунист».

Говоря об отделе кадров, я вспомнил, что некоторое время там работал инспектором (так назывались должности «кадровиков») очень приятный пожилой человек по фамилии Ледовских (он скончался от какой-то страшной болезни). И как-то в порядке поощрения его отправили в рейс (кем, понятия не имею). Рейс был из «хороших» - с заходами в несколько капстран. Вернувшись, он зашел ко мне (это было в то время, когда я в самый раз был секретарем парткома), плотно закрыл дверь, оглянулся, к чему-то прислушался и спросил: «Слушайте, Александр Борисович, если то, что там – капитализм, то, что же тогда у нас?».

Но продолжим повествование. Создавая Калининградское отделение и привлекая в его научный штат молодых специалистов, руководство Морского гидрофизического института предполагало использовать их в качестве основной «черной» рабочей силы, участвующей в

рейсах НИС «Михаил Ломоносов», для «добывания» данных и их последующей камеральной, т.е. первичной обработки. Осмысливание же полученных в рейсах материалов, написание по ним научных статей и подготовка докладов к конференциям предполагались исключительно в самом МГИ в Москве. Действительно, молодые сотрудники КОМГИ практически не пропускали ни одного рейса НИС «Михаил Ломоносов», а в свободное от экспедиций время были предоставлены самим себе: набрасывали резиновые кольца на «рожки» вешалок, читали, причем отнюдь не научную литературу, и играли в пинг-понг. (Я даже был как-то чемпионом Отделения, а однажды сильно пострадал: будущий директор, с которым мы играли в паре, отбивая удар, так врезал мне ребром ракетки по физиономии, что я неделю ходил с заплывшим глазом). Однако далеко не все молодые научные сотрудники хотели быть лишь «неграми» для московских коллег. Несмотря на свое «лаборантство», они самостоятельно включились в научную работу. Передо мной лежит чудом сохранившийся «Протокол № 1 научного совещания КОМГИ АН СССР от 14 декабря 1960 года» с двумя докладами: «Опыт анализа водных масс Гольфстрима и прилегающих к нему районов» - старшего лаборанта В.Бубнова и «Гидрологические условия в районе Большой Ньюфаундлендской банки в марте 1960 года» - старшего лаборанта А.Зубина. А вскоре стали появляться и первые настоящие научные публикации В.Бубнова, Л.Кривелевича, В.Навроцкого, В.Паки (и даже мои), что вызывало некоторое раздражение части московской «ученой элиты» МГИ. Иногда московские «мэтры» позволяли себе и вообще, мягко говоря, неэтичные поступки. Был в МГИ такой гидрохимик – Аркадий Евстихьевич Гамутилов (привожу полностью его ФИО ради «красивого» отчества). После одного из рейсов «Михаила Ломоносова», когда А.Е.Гамутилов собирался уезжать в столицу – домой, Виталий Бубнов попросил его передать в Труды МГИ свою статью. Это

было быстрее, нежели посылать статью по почте. Спустя некоторое время Виталий вдруг понял, что сделал в статье ошибку, и позвонил в редакцию «Трудов», но из редакции ответили, что статьи такого автора – Бубнова у них нет. Тем не менее, статья вскоре оказалась опубликованной, причем вместе с ошибкой, но... под авторством А.Е.Гамутилова.

- Ты понимаешь, Виталий, **это** как-то так нечаянно получилось, - объяснил потом свой поступок новоиспеченный «автор».

Виталий поначалу задергался, засуетился, хотел, было, «восстановить статус-кво», но ему приватно объяснили, что Аркаша Гамутилов немножко связан с «органами» и ссориться с ним не резон.

«Противостояние» молодых калининградцев с «мэтрами» - москвичами закончилось в конце 1961 года – с передачей Калининградского отделения Института океанологии АН СССР. Это произошло после того, как по инициативе первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева ЦК принял постановление о переводе ряда научных институтов «ближе к жизни». В этот список попал и Морской гидрофизический институт: его перевели в Севастополь – к морю («среде изучения»). Вместе с МГИ в Севастополь «перепрописался» и «Михаил Ломоносов». В итоге и МГИ, и «Ломоносов» оказались вообще в другой стране – Украине, а МГИ АН УССР, в конце концов, стал МГИ НАНУ (Национальной академии наук Украины). Но это произошло гораздо позднее. Тогда же КОМГИ, оставшееся «бесхозным», было передано (согласно Постановлению Президиума АН СССР № 3-1608 от 11 октября 1961 года) Институту океанологии и стало его Калининградским отделением – КО ИОАН.

Вместе с сотрудниками МГИ в Севастополь перебралась довольно большая группа сотрудников Калининградского отделения во главе с Н.К.Ханайченко, который стал в Севастополе заместителем директора

института. (Москвичи не очень-то рвались в Севастополь и, уволившись из МГИ, искали себе работу в Москве). А в Калининградское отделение в феврале 1962 года из ИОАН прибыл новый директор – Кирилл Владимирович Морошкин. Между собой коллеги звали К.В.Морошкина - «КВ», что было гораздо благозвучнее, чем «ВК» (как звали В.К.Агенорова). «КВ» был ветераном Института океанологии, начавшем работу в нем еще в 1946 году - при жизни академика П.П.Ширшова – основателя и первого директора Института. Он участвовал в войне - был штурманом на судах Дальневосточного пароходства, перевозящих грузы из США и Канады в СССР. Директором Отделения К.В.Морошкин стал совершенно неожиданно, как для своих коллег, так и для себя самого. Дело в том, что когда Отделение отдали Институту океанологии, в Институте не нашлось никого, кто хотел бы уехать в Калининград и возглавить новое институтское подразделение. Добавим к этому, что руководитель обязательно должен был быть членом КПСС. Таковы были правила игры. Помучившись с отысканием кандидата на роль директора Отделения, тогдашний директор Института профессор Владимир Григорьевич Корт предложил директорство своему аспиранту – Кириллу Морошкину. Тот в самый раз развелся с женой, срок аспирантуры у него кончился (он защитился, будучи уже директором Отделения), особой научной карьеры в Москве не ждал, был «членом» и... согласился. Так «КВ» стал калининградцем - сотрудником Отделения, в котором и проработал до самой своей кончины в 2006 году.

Мне с Кириллом Владимировичем довелось познакомиться за день до его приезда в Калининград - в поезде. Я возвращался из Москвы – из так называемых «отгулов» после рейса в Норвежское море на поисковом судне «Звезда», принадлежавшем АНИППР – Атлантической научно-исследовательской промысловой перспективной разведке при БалтНИРО. На «Звезде» я был в должности

помощника капитана по науке и «нанялся» в рейс, поскольку в родном Отделении мне прикрыли визу и от рейсов на «Ломоносове» я был отлучен. В Промразведке же, куда я не так давно был направлен по распределению вместе с открытой визой, моя виза еще действовала (Промразведка принадлежала к другому ведомству - Минрыбхозу). Я был в рейсе четыре месяца – с октября 1961 по январь 1962 гг. и по возвращении узнал, что в мое отсутствие Отделение поменяло «крышу»: от МГИ перешло к ИОАН СССР. Побывать до отъезда в «родных пенатах» с новым названием я не успел и вот возвращался в «новое» Отделение. В ресторане скорого поезда (ставшего позднее «Янтарем»), куда я пошел пообедать, я увидел группу знакомых океанологов – сотрудников БалтНИРО и Промразведки, которые, конечно, тут же зазвали меня к двум своим столикам. С ними сидел незнакомый мне человек с «боксерским» носом, хриплым голосом и сигаретой в зубах. Шел бурный (подогретый выпитым коньяком) разговор о нашей родной науке (океанологии – «поилице и кормилице», как говаривал один наш университетский доцент). Меня представили незнакомцу, сказав, что я недавно вернулся из рейса и привез **готовый** рейсовый отчет - чудо для БалтНИРО и Промразведки. Через некоторое время Кирилл (так, оказалось, звали незнакомца) обратился ко мне:

- Слушай, Сашка, я назначен директором Калининградского отделения ИОАН, слышал о таком? Переходи ко мне – в Академию наук. Беру тебя на работу. Старшим инженером. **Мне** нужны хорошие специалисты.

Я вежливо поблагодарил нового знакомого за высокую оценку моей персоны и сказал, что, в общем-то, именно там, куда он меня приглашает, и работаю. Старшим, но не инженером, а лаборантом. «КВ» несколько смешался (панибратство с, как оказалось, подчиненным - нехорошо), но слово свое по вступлении в должность сдержал - вскоре я действительно стал старшим инженером.

С передачей Отделения Институту океанологии и приходом в Отделение К.В.Морошкина научная активность молодых сотрудников резко возросла, чему способствовал истинно научный академический дух и стиль работы Института океанологии, заложенный еще Петром Петровичем Ширшовым и его «правой рукой» - Вениамином Григорьевичем Богоровым. В Отделении начали появляться молодые перспективные ученые, возглавившие исследования по различным направлениям океанологии и ставшие впоследствии руководителями научных подразделений. Так, вместе с К.В.Морошкиным из Института океанологии приехал кандидат географических наук Юрий Иванов – талантливый ученый-океанолог, ставший руководителем гидрологов. (Он не был «членом», поэтому стать директором Отделения не мог). Затем, в апреле 1963 года, с Черноморской экспериментальной научно-исследовательской станции Института океанологии в Геленджике (ЧЭНИС - впоследствии Южное отделение Института) в Калининград перевелся Емельян Емельянов – выпускник Вильнюсского университета, вскоре ставший кандидатом геолого-минералогических наук и главой геологов Отделения. В ноябре 1964 года из ЛВИМУ, пройдя по конкурсу, в Отделении стал работать ученик профессора И.В.Максимова Рудольф Абрамов. Защитившись в 1967 году, он стал нашим «главным метеорологом». В июле 1965 года – тоже с ЧЭНИС перевелся физик Генрик Карабашев, начавший руководить группой оптики океана и ставший кандидатом физико-математических наук в 1968 году. Наконец, в июле 1966 года из ПИИРО, пройдя конкурс, к нам пришел кандидат географических наук, морской геоморфолог Владимир Литвин. К сожалению, Ю.А.Иванов, исключительно много сделавший для становления в Отделении гидрологических исследований и «подкинувший» темы диссертаций многим гидрологам Отделения (и мне в том числе), в 1966 году вернулся в Москву в Институт океанологии. Впоследствии он стал доктором наук,

профессором, заведующим отделом Института, лауреатом Государственной премии. Потом некоторое время группой гидрологии руководил Д.М.Филиппов (не путать с Д.И.Филипповым), который пришел к нам из гидрометеослужбы, но он очень быстро понял, что ему с Академией наук не по пути, и вернулся в родную службу, передав бразды правления группой В.А.Бубнову.

Как мне кажется, именно в это время (когда Отделение перешло к Институту океанологии), в Отделении был создан Научно-технический совет. Я не помню даты его создания, так как стал его членом спустя несколько лет – после защиты мной диссертации, хотя членами НТС были не только «остепененные» сотрудники, но и научные сотрудники без степени, и старшие инженеры, имеющие в Отделении определенный вес. На НТС заслушивались, главным образом, отчеты сотрудников, участвовавших в экспедициях, а основные научные вопросы, в том числе даже рекомендации работ к депонированию, рассматривались на Ученом совете Института (естественно, в отсутствие авторов). Позже Отделение добилось для НТС более высокого статуса. Когда на НТС обсуждались вопросы финансово-хозяйственного обеспечения исследований, повышения зарплат, распределения квартир и т.п. «скандальных» тем, то заседания проходили весьма бурно. При этом К.В.Морошкин все наши невзгоды объяснял «рукой Москвы» и клялся, что призовет вышеупомянутую «Москву» к порядку, хотя боялся А.С.Монина (директора ИОАН – о нем ниже) до дрожи в коленках. Последний «морошкинский» НТС (перед самым его снятием с должности директора) был отражен в нашей стенной газете «Атлантика». О газете несколько позже я расскажу. С недавних пор в Отделении не НТС, а секция Ученого совета. Поэтому ряду сотрудников хочется, чтобы она работала по такому же регламенту, как и Ученый совет Института. Одни хотят, чтобы заседания проводились достаточно часто (чуть ли не еженедельно), другие – чтобы на

заседаниях рассматривались только «глобальные» вопросы, а «мелкие» обсуждались на коллоквиумах лабораторий. Увы, совместить два этих требования невозможно – научных сотрудников в Отделении (по сравнению с ИОРАН) слишком мало.

Заседание НТС

Шумит и гудит по-осеннему лес –
Зверье собирается на НТС....
Пипикает что-то на пне Перепелка¹,
Все ждут выступления Серого Волка².
...И вот уже Волк кулаками грозит,
Большого начальника – Зайца³ клеймит:
«Зачем нам, скажите, пустые дебаты?
Нам ставки нужны и большие зарплаты,
Отдельные теплые норки нужны...
Мы сами с усами, мы сами важны!
На наши оклады берут воронье,
Я лично обижен за наше зверье...
Всем дали медали, иным ордена,
А нам-то, а мне-то... совсем ... ничего!
Я лично поеду, я лично добыюсь,
Я шкурой рискну, но с победой вернусь!
Не выйдет? На Зайца управу найдем –
До Льва, до Медведя, до... до... до... дойдем!
Не дрейфите, Звери, ведь всё впереди –
«Ну, Заяц, - скажу я ему, - погоди!
.....
...В столичном лесу, в кабинете у Зайца
Так странно у Волка вдруг внешность меняется:
Зубов не видать, и уменьшился рост,
И сам по себе завилял волчий хвост...
Какие там ставки... какое чего...
Тут ноги унести бы от Зайца того.
...И долго еще будет Волку не спаться,
Что Заяц сердит - будет Волку казаться,
И чудиться будет ему позади:
«Ну, Волк, погоди же! Ну, Волк, погоди!

¹Перепелка – и.о. ученого секретаря И.Т.Иваткина (в экспедициях, участвуя в т.н. «художественной самодеятельности», И.Т.Иваткина пела тоненьким жалостливым голосочком: «Ты ж моя, ты ж моя перепелочка...»).

²Серый Волк – директор АО ИОАН К.В.Морошкин.

³Заяц - директор ИОАН А.С.Монин

Но продолжим о «кадрах». Кроме «руководящих» сотрудников, в Отделении появились и другие новые члены молодого коллектива: «простые» научные сотрудники, а также инженеры и лаборанты. Естественно, написать обо всех невозможно, но о некоторых, оставивших в истории Отделения яркий след или запомнившихся чем-то парадоксальным, нельзя не вспомнить.

В 1964 году в Отделение пришел инженер-океанолог Владимир Дмитриевич Егорихин (о нем и о В.А.Бубнове мною написана небольшая книжка – см. «Книги...» в Приложении) – выпускник ЛВИМУ им. С.О.Макарова, ранее работавший в Гидрографической службе ВМФ (в том числе - на дальнем Севере). В.Д.Егорихин пришел в Отделение уже сложившимся научным сотрудником, признанным специалистом в области экспериментального изучения течений. Он стал проводником новейших методик палубных океанологических работ, в частности, постановок в океане автономных буйковых станций. Еще одним выпускником ЛВИМУ им. С.О.Макарова – инженером-гидрографом Михаилом Власовичем Руденко, ставшим специалистом по подводным горам, пополнился коллектив КО ИОАН в 1965 году. За плечами этих сотрудников: В.Д.Егорихина и М.В.Руденко (да еще синоптика В.И.Козлович), по сравнению с другими научными сотрудниками Отделения, пожалуй, самое большое число экспедиций. А в 1966 году из АтлантНИРО (бывшего БалтНИРО) в Отделение перешел инженер-геолог Александр Иванович Блажчишин, ставший вскоре кандидатом, а потом и доктором наук – специалистом по геологии Балтики. Несколько позднее (в 1968 и 1973 гг.) в Отделение пришли

еще два геолога: один сухопутный – кандидат геолого-минералогических наук Геннадий Сергеевич Харин, приехавший из Западной Сибири, другой - морской – Альгис-Эгидиус Станиславович Тримонис, перешедший к нам из Южного отделения ИОАН. Оба стали в Отделении докторами наук. А.-Э.С.Тримонис в девяностых годах, когда Литва стала независимой, вернулся в «родные пенаты» - в Вильнюс, где стал профессором Вильнюсского университета. Однако он еще долгое время продолжал оставаться нашим сотрудником-совместителем, да и теперь не прерывает связи с АО ИОРАН. Ему это легко удастся, т.к. он имеет двойное гражданство: России и Литвы (второе – литовское получил по Указу Президента Альгирдаса Бразаускаса одновременно с Майей Плисецкой и Родионом Щедриным). А Г.С.Харин, несмотря на преклонный возраст (80 лет!), весьма плодотворно работает в Отделении до сих пор.

Оставили о себе добрую славу два ведущих инженера: инженер-электронщик Евгений Валентинович Татаренков и инженер-конструктор Тамара Сергеевна Артемьева, и заведующий мастерскими Владимир Макарович Артюхов. Е.В.Татаренков довольно долго работал в Отделении и участвовал во многих экспедициях (в том числе на легендарном «Витязе»-III). К сожалению, он уехал из Калининграда. Т.С.Артемьева, которая тоже была участницей многих экспедиций, стала одним из руководителей калининградской телефонной компании «Северо-Западный Телеком», а В.М.Артюхов заведовал мастерскими до самой своей кончины. Добрый десяток лет проработал в Отделении Борис Васильевич Волостных – гидрохимик, руководивший одноименной группой. Сам Борис был человеком вполне «приятным в обращении», но у него была «удивительная» жена – особа, умеющая превратить любое событие, происшедшее в Отделении, в сплетню. Эта ее способность привела к тому, что К.В.Морошкин приказал вахтерам не пускать ее в Отделение (она работала в Рыбном

институте). Этот запрет она восприняла по-своему и однажды, каким-то образом «проникнув» к Борису в лабораторию, побила газетой двух Борисовых лаборанток – Тамару и Лилию. Приревновала. А надо сказать, что эти лаборантки были, мягко говоря, очень, очень далеки от идеалов женской красоты. Потом супруга увезла Бориса в Москву, где он должен был, по ее словам, «войти в круг московских ученых». Судя по всему, не вошел.

И еще двух наших сотрудников, причем совершенно не научных – Ивана Павловича и Анну Петровну Трикоз, начавших работу в Отделении почти с момента его возникновения, мне хочется помянуть добрым словом. Иван Павлович Трикоз – майор в отставке работал в Отделении вахтером, его жена – Анна Петровна – уборщицей. Это были исключительно добрые и хорошие люди. Они всячески старались во всем помочь «науке» в лице нас – старших лаборантов. При этом они помогали нам, естественно, не по работе, они, искренне сочувствуя молодым специалистам, особенно тем, кто обзавелся детьми, пытались как-то облегчить наше существование. Анна Петровна частенько приносила из дому то фрукты и ягоды, то какие-никакие овощи, то десяток яиц, то еще что-нибудь (у них был свой дом и свое хозяйство), а то и сидела с кем-либо из наших заболевших чад, не беря за это никакой платы.

А Иван Павлович вахтерил. По образованию он был... плотником. Он кончил всего лишь пять классов, но, будучи человеком, я бы даже сказал, талантливым, попав в 1939 году в армию – на финскую войну, быстро стал старшиной и в этом звании начал войну Отечественную. Вскоре Иван Павлович стал уже офицером. Закончил он войну майором – заместителем командира полка по снабжению (или как это там называлось). Он был человеком с юмором и не обижался, когда мы ржали, слыша его ответы по телефону во время дежурств (это, когда Отделение еще принадлежало МГИ):

- Гидровызычна академия слухаеть!

К себе Иван Павлович относился с большой иронией и часто рассказывал, смеясь сам над собой, о случаях, происшедших с ним на войне и после. Мне особенно запомнился случай с катком. Попытаюсь передать его со слов Ивана Павловича.

«Как-то, это уже в Калининграде было (тогда он, правда, был еще Кенигсбергом) вызывает меня командир и говорит:

- Иван, надо к катку охрану выставить, он большую ценность представляет – за ним из Москвы приедут.

- Есть, - говорю, - выставить охрану к катку!

Вышел я на улицу, смотрю: где же этот каток, который охранять надо. А, надо сказать, что часть наша стояла возле парка, который теперь парком сорокалетия ВЛКСМ называется. И вижу я, действительно, стоит каток асфальтовый – почти целый. «На хрена, - думаю, - этот каток Москве понадобился?». Но, приказ есть приказ, выставил к катку охрану. А через пару дней, точно из Москвы делегация прилетела. Командир меня позвал – велел каток показать. Подвожу его и делегацию к катку, показываю.

- Вы что, майор, издеваетесь? – главный в делегации спрашивает.

- Никак нет, - отвечаю, - не издеваюсь, вот он – каток и часовой при нем: стоит как штык.

- Дурак ты, Иван, - командир говорит, - я тебе велел какой каток охранять? Тот, что в парке, ледовый! А ты что?

Ну откуда я знал, какой каток охранять надо. А ледовый, тот, что в парке был, в Москву увезли (*и смонтировали в Лужниках - АЗ*) – не соврал комполка».

Работала у нас и настоящая гранд-дама (иначе назвать ее я не могу, хотя была она на весьма скромной должности инженера по технике безопасности). Звали ее Тамара Сергеевна Есельсон. Благодаря своему мужу – генералу (если не ошибаюсь, заместителю командующего авиацией Балтийского флота по тылу), она многим помогала

Отделению: дефицитными строительными материалами, оформлением пропусков в «запретные зоны» (а в те времена их было много), а то и «рабсилой» - солдатиками, участвовавшими в погрузочных и иных неквалифицированных работах.

Вспоминаются и некоторые, мягко говоря, «неоднозначные» сотрудники, особенно из «руководящего» научного состава. Например, некоторое время группой метеорологии руководил некто В.Ф.Белевич, имеющий редкое отчество – Флегонтыч, который (как рассказывали его сотрудники) сэкономил деньги и время, стремительно несясь на работу... по рельсам **перед** трамваем. Или руководитель группы техники Лавров, который, переходя с работы на работу, из учреждения в учреждение, везде предлагал сногшибательные изобретения, на претворение которых в жизнь, необходимы были средства, получив же таковые и истратив (естественно, без результата), переходил в следующее учреждение. Был еще руководитель группы промера (гидрографов) Сырский - исключительно солидный и, я бы сказал, крупногабаритный, товарищ.

Работали в Отделении и два странных сотрудника (я о них мельком упоминал выше): Коля Грабовский, участник войны, окончивший МГУ (геоморфолог), но в Отделении ставший по существу фотографом, и кандидат физико-математических наук Петр Федорович Шакуров – человек со «своеобразным» умом, изобретатель (он придумал, например, измеритель течений, принцип действия которого базировался на... таянии сахара), состоявший в должности... лаборанта. Рассказывали, что он когда-то был аспирантом академика В.В.Шулейкина, работал в ЧОМГИ, но потом, уже защитившись, слегка тронулся умом – вот ЧОМГИ его и «отфутболил» к нам. Вскоре, правда, бедолагу Шакурова сократили и у нас, и он стал жить на иждивении проституток, которым сдавал свою однокомнатную квартиру. (Квартиру в нашем жилом доме он получить успел). Не забуду случайно

подслушанный мною разговор Коли Грабовского с П.Шакуровым:

- Петя, ты сколько с девок за постой берешь? – это Коля.

- Что ты, Коля, ничего не беру – только питаюсь с ними...

- Ну, ты их хотя бы...?

- Ну-у-у..., это конечно....

Все свои неудачи Шакуров объяснял просто: «Завидуют!» и люто ненавидел весь руководящий «синклит» Отделения. А потом взял и умер. Эта история была отражена в стенной газете Отделения «Атлантика»:

Рано утром П.Шакуров

как всегда проснулся хмурым:

потянулся, взял гантели,

чтоб осталась сила в теле,

пукнул, крикнул и зевнул,

а потом в окно взглянул...

Видит: прямо под балкон

*подъезжает спецфургон**

и выходят из машины

К.Морошкин, Зайцев чинный,

толстый Лева Кривелевич

и слегка седой Белевич.

Шепчет Петя: «Ах, вы суки...»

и берет гантели в руки...

Из окошка на панель

ловко пущена гантель!

К.Морошкин был сердитый,

К.Морошкин стал убитый.

Зайцев тоже был подбит –

он схватил тромбофлебит...

.....

А убийца был хитер:

взял и... с голоду помер.

(*У К.В.Морошкина был служебный «Москвич» - фургончик, на котором он иногда подвозил на работу и с нее некоторых «руководящих» сотрудников Отделения).

Грешно, конечно, было смеяться над убогим, тем более над несчастьем, но...

Кстати о стенгазете, о которой я дважды упоминал выше. Газета, коей Ваш покорный слуга долгие годы был редактором, неизменно занимала призовые места на конкурсе нашего Октябрьского района, хотя материалы, в ней помещаемые, были иногда весьма «скользкого» (в политическом отношении) свойства. Но, конечно, главным образом, стенгазета отражала жизнь и работу Отделения и его сотрудников. В ней, также, помещались опусы «народного» творчества, привезенные из экспедиционных рейсов. Более всего мы (редколлегия) старались сделать газету острой и веселой. «Острота» зачастую не нравилась некоторым нашим «ведущим» сотрудникам и они поднимали страшный шум, считая, что критические материалы «подрывают их научный авторитет». Не буду называть этих сотрудников – некоторые работают до сих пор и до сих пор не исправились. Бывали с материалами газеты и анекдотичные случаи. Когда была создана группа гидрохимии, в газете был помещен дружеский шарж: в лабораторию (где разместились гидрохимики) стоит очередь сотрудников с анализами в руках. Почему-то в одном из персонажей «очереди» та самая сотрудница, у которой когда-то колхозный коровник ассоциировался с мужским туалетом, узнала себя и подняла скандал. Пришлось в следующем номере газеты поместить эту самую карикатуру, вырезанную из прошлого номера, и написать: «Это не N, а это не моча», указав стрелками на предметы обиды. Представляете, как все веселились?

...И еще был один интересный человек – наш первый (по счету) главный бухгалтер Александр Васильевич, но не Суворов, а Варламов. Он был отставником – капитаном по званию. Во время войны «командовал» спецкабинетом (помещением, в котором стоял сейф с секретными бумагами) и

какое отношение имел к бухгалтерии, так никто и не узнал. Александр Васильевич с одной стороны всегда был на страже государственных интересов, а с другой – был очень наивен. И это сочетание двух свойств иногда приводило к весьма интересным результатам. Помню, как как-то к нам в лабораторию пришел инженер по снабжению и попросил написать заявку на расходные материалы. К.В.Морошкин (а завлабом был именно он) отсутствовал, и я в шутку написал заявку на пять пачек цейлонского чая (тогда самого дорогого) и сколько-то сахара (мы в лаборатории пили чай), необходимых для «научной работы». Заявка попала к Александру Васильевичу, который не Суворов. С этой заявкой он пришел к И.Т.Шульгину (заму по АХО) и сказал:

- Я, конечно, все понимаю: и чай, и сахар нужны для науки - для опытов. Но может быть можно вместо цейлонского чая купить грузинский – он дешевле....

С Александром Васильевичем у меня связан еще один случай. Я был в командировке в Южном отделении Института в Геленджике. Возвращаясь назад, я решил сэкономить родному государству немного денег и поехал не через Москву, а через Харьков – более короткой дорогой. Поезд из Харькова в Калининград фактически уходил тем же днем, в который я приехал, но поздним вечером, причем следующей датой, в 00 часов 02 минуты. И вот это несуразное время и оказалось камнем преткновения для Александра Васильевича. «Ты уехал на следующий день – платить не буду», говорил он мне и никакие резоны (даты и время, проставленные на билетах) на него не действовали. В конце концов «дорожные» я получил, но пришлось мне писать объяснительную записку, а директору издавать специальный приказ. И надо же было такому случиться, что буквально через пару недель я снова отправился в командировку в Геленджик. И я решил рискнуть, но поехать назад, мягко говоря, неэкономным путем. Из Геленджика до Новороссийска я отправился морем – **судном** на подводных крыльях «Буревестник». Проведя день в

Новороссийске, я вечером **поездом** уехал в Ростов (в Ростове, где я родился, но прожил после рождения всего неделю, мне давно хотелось побывать). Проведя опять же целый день в Ростове, который мне, кстати, очень понравился, я вечером укатил в Харьков на... **автобусе**. А уже из Харькова я **самолетом** улетел в Калининград. Стоило это мое возвращение домой ровно в три раза дороже, чем прошлое. Александр Васильевич, посмотрев мои дорожные документы, сказал:

- Вот теперь ты молодец! Все в стык...

Вспоминаются мне и еще два сотрудника, ни имен, ни фамилий которых я не помню. Один – ветеран войны. Он работал у нас сантехником. Второй – бывший сержант-спецназовец (он якобы где-то там воевал уже в наше время и любил рассказывать, особенно женщинам, как «перерезал глотки врагам») был завскладом экспедиционного оборудования: тросов, буюв, крупногабаритных приборов и механизмов и... спирта. Оба они продержались у нас совсем недолго. Первый был до приторности, до тошноты угодлив. При этом, он, пользуясь всеми ветеранскими льготами и преимуществами: ежегодными путевками в санатории (что для научных сотрудников было практически невозможно) и т.д. и т.п., все равно все время слезливо чего-то требовал и выпрашивал. Однажды мне (я, как уже говорил, был последним секретарем нашего парткома) позвонили из военкомата:

- Не можете ли вы обуздать вашего сотрудника N, - и они назвали имя нашего угодливого и слезливого сантехника, - житья от него нет: все время чего-то требует. Все ему мало и мало. Вот сейчас у нас награждают памятными медалями (*а может быть знаками – не помню, АЗ*) тех ветеранов, которые были на передовой, а он там не был, но требует, чтобы его наградили. Помогите, пожалуйста!

Я решил познакомиться с биографией сантехника-ветерана. «Ветеран» всю войну, будучи в звании старшины,

«воевал» в далеком тылу – на Урале. Он был личным поваром директора крупного военного завода – генерала. Директор – военный и вся директорская «обслуга» - тоже военнослужащие.

А сержант-спецназовец пробыл в Отделении совсем мало из-за спирта. «Завсклад» так наловчился разбавлять вышеупомянутый «продукт», что, применяя его в рейсах «по назначению», уже не требовалось доводить до нужной кондиции. Впрочем, вспомнил я этого деятеля по другой причине. Он, глубоко уважая «начальство» – начальника АХО, снабженца, коменданта и пр., истово презирал научных сотрудников, считая их каким-то путающимся под ногами «быдлом». Возможно, это объяснялось тем, что видел он нас лишь в качестве грузчиков, занимающихся погрузкой научного оборудования перед рейсами. (Следует отметить, что грузчиков в Отделении не существовало никогда – просто не было такого понятия – и все погрузочные работы осуществлялись самими научными сотрудниками). Однажды, перед уходом в какой-то рейс, мы – трое научных сотрудников занимались своим привычным делом: погрузкой оборудования на автомашину. Мы пытались водрузить на автомобиль очень тяжелый ящик с каким-то прибором и никак не могли поднять его выше «причинного места» – слишком большим земным притяжением прибор, видимо, обладал. И тогда мы обратились к завскладом:

- Имярек, помоги, пожалуйста, ящичек на машину закинуть. Видишь – корячимся.

Боже мой! Как же он возмутился:

- Вы что, не знаете, кто я такой? Я **заведующий складом!** Начальник! А вы – ящичек. . . . Какая наглость!

Мы (к величайшему удивлению спецназовца) так начали хохотать, что уронили этот злополучный ящик на землю, чуть не разбив прибор. Дело в том, что из нас троих только я был всего лишь кандидатом наук и простым старшим научным сотрудником, а двое других моих коллег были

докторами и заведующими лабораториями (речь идет о В.А.Бубнове и Е.М.Емельянове).

Вообще, должен сказать, что некоторые «отделенцы» запомнились не своими успехами на поприще науки, а какими-то поступками или высказываниями. Так, некоторое время работала у нас лаборантом некая Валя Дульша (фамилия у нее была такая). И считала себя Валя писаной красавицей. Она действительно была дамочкой миловидной, только, извините, «корма» у нее была низковата – как у эскадренных миноносцев. И вот как-то приходит Валя на работу и рассказывает:

- Иду сегодня по улице, а навстречу два мальчика идут. Небольших – лет по двенадцать. И один другому говорит: «Посмотри, какая тетя красивая». Понима-а-ют....

Однако пойдем дальше. В мае 1961 года был сдан в эксплуатацию наш «собственный» жилой дом по улице Житомирской (потом эта часть улицы вошла в Ленинский проспект). Дом этот строился специально для сотрудников Отделения, и мы все получили в нем квартиры, согласно «табелю о рангах» и числу членов семьи. Однако первое – «табель о рангах» превалировало. Тем, кто был «на хорошем счету» у тогдашнего руководства Отделением (Отделение еще принадлежало МГИ), достались квартиры лучше и больше, тем, кто был «на плохом счету» - соответственно. В этом доме - в жалких «хрущевках» большинство из нас прожило достаточно большую часть жизни. Сейчас же в нем живет с семьей лишь один наш сотрудник – «патриот» нашего первого дома Р.В.Абрамов.

А весной 1965 года мы все – сотрудники КО ИОАН переехали, наконец, в собственный лабораторно-административный корпус: восстановленное после разрушений военного времени крыло большого здания в самом центре Калининграда. В Кенигсберге в этом здании (а может быть только в «нашем» крыле) помещалась радиостанция Восточной Пруссии. Помещения, в которых

разместились и лаборатории с научными сотрудниками, и административно-хозяйственные службы, и мастерские были отреставрированы в соответствии с требованиями научно-исследовательских учреждений шестидесятых годов прошлого века, то есть все это было достаточно скучно и убого. На реставрационных и восстановительных работах, главным образом на «подсобных» или «украшательских», активно трудились и мы - сотрудники Отделения. Вот пример объявлений, вывешиваемых перед нашими работами «на корпусе»:

*Всем, всем, всем! На корпус идти
во вторник утром – часов с девяти!
Модницы и модники! Галстучки снимите:
во вторник мы подсобники – ватнички ищите!
Отложите авторучки: нам придется пачкать ручки...
Бросьте диссертации, плюньте на науки –
всей организацией – лопаты в руки,
мусор - в кучи, веничком лучше!
К чертям собачьим портфели-копилки,
бери, товарищ, скорее носилки,
грузи, товарищ, носилки азартно:
скорей переждем в светлое завтра!*

Мы действительно убрали строительный мусор, рыли канавы под проводку телефонного кабеля (с трудом разбивая ломами немецкий асфальт), оформляли конференц-зал и холл нового здания, рисовали и прибавляли номера на двери помещений. В конференц-зале, ставшем потом залом ЭВМ, а теперь – банком, мы с Вадимом Пакой украсили стены, нарисовав стилизованный корабль, плывущий по волнам океана, а в холле – «прихожей» Отделения из тонкой железной арматуры и пенопласта сделали карту Мирового океана. Когда мастера начали укладывать кафель на крыльце нового здания, наш главный метеоролог Рудольф Васильевич Абрамов предложил:

- Давайте, как в добрые старые времена, перед входом в дом напишем «*SALVE*» - «Добро пожаловать!» (*латынь*).

Рудольфа поддержал морской геолог Людас Лукашевичус, который сказал, что такое приветствие было у входов во многие средневековые университеты. Мастера выполнили эту просьбу. Увы, ничего этого не осталось и в помине, а жаль.

В конференц-зале, намного большем по размеру, чем нынешний, мы все вместе – дружным коллективом с семьями (у кого они были) встретили новый 1966 год. Да и потом там же устраивались праздники, новогодние елки для детей сотрудников, общие собрания Отделения. Зал был оснащен даже кинобудкой, и мы иногда смотрели фильмы - снятые на киноплёнку эпизоды экспедиций (о таких вещах, как DVD или CD никто даже и предположить не мог). Но... настала эра ЭВМ и зала не стало. Размеры ЭВМ той поры в самый раз оказались «под зал». (Если не ошибаюсь, у нас была ЭВМ «Минск-22»). Закончились и «всеобщие посиделки». Несколько позднее был сооружен новый – маленький конференц-зал на крыше гаража. Да, да, тот самый, где сейчас проводятся заседания секции ученого совета (а раньше – заседания НТС).

В 1965 году директором Института океанологии стал профессор (в будущем – академик) Андрей Сергеевич Монин – блестящий ученый и великолепный организатор. За время своего директорства он превратил Институт из довольно скромного научного учреждения в мировой центр океанологии. Второго августа 1967 года Приказом № 275 А.С.Монина Калининградское отделение ИОАН было переименовано в Атлантическое. Этим же приказом в самом Отделении на базе научных групп были организованы три лаборатории: гидрологии Атлантики во главе с директором Отделения К.В.Морошкиным, геологии Атлантики, которую возглавил Е.М.Емельянов, и океанологических приборов, заведовать которой стал, недавно защитивший диссертацию,

кандидат технических наук В.Т.Пака. Некоторые новые лаборатории состояли из кабинетов – в те времена были такие структурные научные подразделения. Лаборатория гидрологии Атлантики состояла из четырех кабинетов: гидрологии (зав. - кандидат географических наук В.А.Бубнов), морской метеорологии (зав. – кандидат географических наук Р.В.Абрамов), математической обработки данных (зав. - кандидат физико-математических наук Л.М.Кривелевич) и гидрооптики (зав. – кандидат физико-математических наук Г.С.Карабашев). Несколько позже в составе лаборатории геологии Атлантики был образован кабинет геоморфологии (зав. – кандидат географических наук В.М.Литвин). Новая научная структура Отделения была создана в соответствии с научными задачами Института и с учетом перспективы дальнейшего развития и интенсификации океанологических исследований. В сентябре этого же 1967 года новое название Отделения было утверждено Постановлением Президиума АН СССР № 757, а шестого февраля 1968 года Совет Министров РСФСР, по предложению Академии наук СССР, присвоил Институту океанологии имя его создателя – академика Петра Петровича Ширшова (Постановление № 66) и Отделение получило свое окончательное наименование: Атлантическое отделение Института океанологии им. П.П.Ширшова Академии наук СССР (с 1992 года – Российской академии наук).

Задачи, поставленные А.С.Мониным перед обновившимися структурными подразделениями, были весьма важны и обширны. Главными из них были: исследование гидрологии различных районов Атлантического океана с получением и систематизацией гидрологических данных, а также изучение взаимодействия океана и атмосферы; изучение рельефа и коренных пород дна, процессов осадкообразования и геологической истории Атлантики; разработка новых приборов, главным образом буксируемых, и методик их использования для гидрофизических исследований. Примерно

в это же время произошло и качественное техническое перевооружение океанологии: появились новые, прекрасно оснащенные передовой измерительной аппаратурой, суда, вычислительная техника, автоматизированная система наблюдений и т.д. и т.п. Окрыленные открывшимися перспективами (извините за «высоту» слога), сотрудники лабораторий приступили к активному выполнению поставленных перед ними задач, тем более что они каждому давали возможность научного роста. Вскоре началось увеличение и числа научных подразделений Отделения, чему способствовали защиты докторских диссертаций Е.М.Емельяновым, Г.С.Карабашевым и В.М.Литвиным (см. «*Защиты диссертаций...*» в Приложении). В апреле 1978 года, на базе лаборатории океанологических приборов и кабинета математической обработки данных был создан отдел экспериментальных гидрофизических исследований (ОЭГФИ) во главе с В.Т.Пакой. В октябре 1980 года появилась на свет лаборатория геоморфологии и тектоники, выделившаяся из лаборатории геологии Атлантики, которой стал заведовать теперь уже доктор географических наук В.М.Литвин, и тогда же – в структуре ОЭГФИ – лаборатория прикладной гидрофизики (зав. - военный инженер, кандидат физико-математических наук З.Е.Энтин). В декабре 1982 года кабинет гидрооптики был преобразован в лабораторию оптических методов исследования океана, которую возглавил, ставший доктором физико-математических наук, Г.С.Карабашев. Таким образом, уже в первой половине восьмидесятых годов Атлантическое отделение стало полноценной академической научно-исследовательской организацией.

В 1966 году Институт океанологии получил новое, современное на то время, научно-исследовательское судно «Академик Курчатов», ставшее не только «кузницей кадров» научного флота, но и (что было крайне важным для Отделения) основным источником получения новых данных по Атлантическому океану. То есть «Академик Курчатов»

стал для Атлантического океана тем же, чем был легендарный «Витязь» для океана Тихого. В конце 1966 года «Академик Курчатов» был «поставлен на баланс» тогда еще КО ИОАН и приписан к Калининградскому морскому торговому порту. (Кстати, «Курчатов» стал, чуть ли не вторым после «Ломоносова» судном заграничного плавания, к этому порту приписанным). В декабре того же года «Курчатов» отправился в свой первый вояж, который возглавил директор Института А.С.Монин. Этот рейс подробно описан в книге Р.В.Абрамова «Первый вояж».

Не могу не сказать, что на многие годы «Академик Курчатов» стал поистине родным (и любимым) кораблем большинства сотрудников Отделения. Вернее, для большинства из нас он стал родным домом, в который эпизодически, но достаточно часто, «переезжали» многие и многие участники экспедиций. Ведь ранее участвовать в морских экспедициях сотрудникам Отделения приходилось лишь на «Витязе» (что бывало крайне редко) или на судах других ведомств и организаций: Гидрографической службы ВМФ, Минрыбхоза, Госкомгидромета (см. *«Научно-исследовательские и экспедиционные корабли...»* в Приложении). Здесь необходимо вспомнить, что деятельность Атлантического отделения была (и остается) связанной не только с научными исследованиями. Как уже говорилось выше, изначально Отделение создавалось, как некая база академических научных судов, исследующих Мировой океан (преимущественно – Атлантический). Сначала это был лишь «Михаил Ломоносов», принадлежавший МГИ, который был принят на баланс Отделения первого января 1960 года, затем научно-исследовательские суда (НИС) Института океанологии, а еще позже к ним прибавились два судна: Геологического института (ГИН) и Института геохимии и аналитической химии им. В.И.Вернадского (ГЕОХИ) АН СССР. Всего же Атлантическое отделение «обихаживало» десять НИС: восемь крупнотоннажных и два –

малотоннажных. К первым относились: «Михаил Ломоносов» (МГИ), «Академик Курчатов», «Профессор Штокман», «Академик Мстислав Келдыш», «Академик Сергей Вавилов» и «Академик Иоффе» (ИОАН), а также «Академик Николай Страхов» (ГИН) и «Академик Борис Петров» (ГЕОХИ). Ко вторым - «Профессор Добрынин» и «Шельф» (оба - АО ИОАН). Кроме этого, Отделение «обкатывало» суда, формально предназначенные для исследования других океанов и соответственно приписанные к другим портам. Такими судами, например, были «Дмитрий Менделеев» и «Профессор Богоров».

Для обслуживания научно-исследовательских судов при Атлантическом отделении по распоряжению Президиума АН СССР в 1982 году был создан отдел экспедиционного флота. С 1982 по 1998 годы этим отделом бессменно руководил Николай Петрович Майстренко. У руководства Института он пользовался неизменным авторитетом, команда же «Курчатова» звала его «Мыкола Террозини» (был в советские времена такой итальянский телесериал «Спрут», одного из главных героев которого – мафиози – звали Николо Террозини). Могу лишь сказать по этому поводу, что в постперестроечное время – время неразберихи Николай Петрович активно занялся «коммерцией», связанной со снабжением наших судов (в частности, топливом), кончившейся для него КПЗ. Однако, его «взяли на поруки» и в конце концов амнистировали. Высокое институтское начальство, учитывая сколько нервных клеток потратил Николай Петрович на борьбу с российским правосудием, отправило его для поправки здоровья в бесплатный (для Н.П., но не для государства) заграничный рейс-круиз на одном из наших НИС. Кстати, когда я был секретарем парткома, мне приходилось многократно воевать с Николаем Петровичем и его присными, защищая права наших моряков (впрочем, я об этом уже говорил). В 1998 году Н.П.Майстренко сменил

капитан дальнего плавания Андрей Викторович Дербенков, который продолжает руководить отделом по сию пору.

В отделе флота трудилось и много интересных людей - особенно это относится к капитанам-наставникам. Некоторое время капитаном-наставником был блистательный капитан - самый главный капитан НИС «Академик Курчатов» - Эдуард Альфредович Ребайнс. Капитанами-наставниками были отставные военные моряки Ю.К.Плюта и Б.Н.Иванов. Сейчас на этой должности – знаменитый в Калининграде, заслуженный рыбацкий капитан Евгений Ильич Мухин.

В настоящее время в новых реалиях жизни страны в целом и Академии наук в частности, отдел флота стал структурным подразделением, созданной при Институте океанологии судоходной компании под аналогичным названием: «Институт океанологии им. П.П.Ширшова РАН». Компания занимается, главным образом, эксплуатацией и сдачей внаем туристическим компаниям двух однотипных НИС, переделанных в круизные суда: «Академик Сергей Вавилов» и «Академик Иоффе» (имя академика Иоффе – Абрам в советское время, по-видимому, считалось неприличным и в название судна не вошло).

Научно-исследовательские суда, «опекаемые» Атлантическим отделением, говоря высоким слогом отечественных журналистов, «вписали немало ярких страниц в исследования Мирового океана». В качестве примера остановимся на гидрологических – наиболее знакомых и близких мне работах НИС «Академик Курчатов» - судна, которое по праву должно было занять место рядом с легендарным «Витязем»-III в Музее Мирового океана. «Курчатов», плавая практически во всех океанах, был главным инструментом при исследованиях многих и многих океанических физических полей и явлений, происходящих в Мировом океане. Представление об этом может дать лишь их небольшое перечисление. Это: исследование структуры западных пограничных течений и пространственно-

временной изменчивости гидрофизических полей, изучение взаимодействия океана и атмосферы в энергоактивных зонах и особенностей метеорологических явлений над океаном, нахождение и исследование линзы средиземноморской воды в Атлантике, определение реакции океана на прохождение урагана, исследование экваториальных противотечений – течений Ломоносова и Кромвелла, изучение гидрологии впадин Красного моря – с горячей водой, перенасыщенной солью, и, наконец, изучение микроструктуры океана в особых гидродинамических зонах. Самым большим достижением гидрологических рейсов «Курчатова», несомненно, следует считать участие в открытии и изучении синоптических вихрей в океане - открытии, которое заставило океанологов пересмотреть принципы динамики вод океана. А были еще столь же плодотворные для науки геологические и биологические исследования и открытия.

И еще немного о «Курчатове», как о «кузнице кадров». Именно «Курчатов» стал школой замечательных экспедиционных капитанов, таких как Николай Апехтин, Анатолий Коробов, Андрей Валихов, Игорь Второв, Юрий Горбач, Геннадий Посконный. Но первым среди равных был, несомненно, Эдуард Альфредович Ребайнс. Во-первых, он был блестящим судоводителем, проводящим корабль в такие места океана, куда, казалось бы, и шлюпке пройти невозможно. Наверное, все участники одиннадцатого рейса помнят, как во время внезапно начавшегося жестокого шторма, Э.А.Рейбейнс выводил «Курчатов» через узкую горловину залива Порта Стенли на Фольклендах, когда расстояние от берегов до бортов судна было не более десяти метров. Во-вторых, Альфредыч (так звала его команда и экспедиционники) был океанологом (и даже учился в аспирантуре у профессора В.Г.Корта) – досконально знал все возможные работы в океане и умел их претворять в жизнь. К сожалению, судьба отмерила ему очень короткое время жизни.

Наконец, нельзя не сказать о членах команды НИС «Академик Курчатов», хотя и невозможно в коротком очерке поименовать всех этого достойных. Тем не менее, давайте вспомним прямых помощников научных сотрудников - настоящих мастеров своего дела - и первым среди них: боцмана Леонида Ивановича Ильина, всю свою жизнь проработавшего на научных судах, а большую ее часть – на «Курчатове». Замечательными специалистами были и члены его палубной команды: подшкипер Юрий Иосифович Дудинский (ныне боцман НИС «Академик Мстислав Келдыш»), матрос-плотник Николай Баранов и матрос-водолаз Лев Симагин, матросы первого класса Михаил Змеев, Анатолий Попов, Иван Бурьяк, Валерий Сыромля, Владимир Чечко и другие. Впоследствии некоторые из них стали штурманами (например, Л.Симагин и В.Сыромля), а В.Чечко, будучи еще матросом, заочно окончил Калининградский университет и стал научным сотрудником Отделения. (В 2006 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию). Нельзя не вспомнить, также, старшего электрика Максима Юковского, ремонтных механиков Николая Атаманюка и Ивана Дехтяренка (дочь которого Жанна с момента окончания университета работает в Отделении), судовых механиков: главного - Александра Шкарина или третьего - Владимира Богданова. Среди тех, кто беззаветно помогал научным сотрудникам, несомненно, находятся инженеры и техники судовой инженерной службы: Борис Бочаров, Борис Арван, Инна Дударева, Василий Близнеченко, Юрий Брыленко, Иван Макаренко, Василий Лебедев, Геннадий Лапин и др. Все эти люди по праву могут гордиться успехами и открытиями, достигнутыми учеными Института океанологии и его Атлантического отделения на НИС «Академик Курчатов». И еще: на «Курчатове» всегда был совершенно особый психологический климат. Экспедиция не делилась на команду и «науку» (как было на многих чужих судах, на которых мне пришлось ходить в

рейсы). Это был единый дружный коллектив, основу которого наряду с Э.А.Ребайнсом заложил первый помощник капитана – интеллигентный, порядочный и очень энергичный человек – настоящий лидер, ставший другом многих научных сотрудников, Андрей Иванович Брызгалов. Лично я весьма рад тому, что был причастен к изданию книги воспоминаний о нем. Способствовали этому «климату» и такие члены экипажа, как начальник радиостанции Виктор Новиков, второй механик Владимир Денисенко, старший моторист Федор Войкин-Сапецион или пекарь Валентина Пелевина. В.Новиков – остроумнейший человек, без чьих веселых реприз не обходился ни один концерт художественной самодеятельности, ни одна радиогазета. В.Денисенко – фотограф-любитель, сделанные им фотографии украшают альбомы многих «курчатовцев». Федя Войкин-Сапецион был душой художественной самодеятельности: он великолепно играл на гитаре и пел. В.Пелевина – добрейший человек – не пропускала ничего дня рождения, чтобы не испечь имениннику пирог, торт или безе.

Некоторые экспедиции, главным образом, на НИС «Академик Курчатов», готовились и укомплектовывались (включая руководство экспедицией) практически полностью сотрудниками Атлантического отделения. Особенно, это относится к экспедициям по гидрологическим программам. Такими были, например, третий, восьмой, тринадцатый, девятнадцатый, двадцать шестой и двадцать девятый рейсы, которыми руководил К.В.Морошкин, или пятидесятый рейс под руководством В.Т.Паки. Но даже те экспедиции, которые возглавлялись сотрудниками головного института, иногда на девяносто процентов укомплектовывались калининградцами, включая заместителей начальника экспедиции и начальников отрядов. И наоборот: иногда экспедиции, укомплектованные москвичами (особенно биологические, геологические или по оригинальной тематике) возглавлялись калининградцами. Начальниками экспедиций ходили В.А.Бубнов,

А.И.Блажчишин, В.Д.Егорихин, К.В.Морошкин, В.Т.Пака, В.В.Сивков, В.Л.Стрюк. Заместителями начальника – те же, которые бывали и начальниками, а еще Е.М.Емельянов, А.Б.Зубин и В.М.Литвин. Научные отряды возглавляли Р.В.Абрамов, В.А.Бубнов, В.М.Василенко, А.А.Гайдюков, Н.Н.Голенко, О.А.Гущин, Е.М.Емельянов, А.Б.Зубин, И.Т.Иваткина, Л.В.Кооль, Л.М.Кривелевич, В.Т.Пака, М.В.Руденко, Г.С.Харин и многие другие сотрудники Отделения. Кое-что об экспедициях, участниками которых были наши сотрудники, можно узнать из экспедиционных дневников Светланы Ефимовны Навроцкой – старейшего научного сотрудника Отделения, изданных в Калининграде под названием «Ходили мы походами...», и из небольшой книжки автора «От бака до юта» (см. «Книги» в Приложении).

Многие из экспедиций, в которых участвовали сотрудники Отделения, были отражены в «народном творчестве». Примеры такого творчества я привожу в конце книжки в Приложении. Это - «повествования» о трех рейсах: «одесского» девятнадцатого и «местного» двадцать седьмого НИС «Академик Курчатов», а также одиннадцатого - НИС «Дмитрий Менделеев». И еще «рассказ» о встрече в океане трех судов: двух наших – НИС «Академик Курчатов» и НИС «Дмитрий Менделеев» и МГИ АН УССР – НИС «Академик Вернадский». Курчатовские «песенки» на мотивы: «Плыви же наша лодочка блатная...» и «На Дерибасовской открылася пивная...» замечательно исполнял с одесским «прононсом» Федя Войкин-Сапецион.

Но продолжим наш рассказ о собственно Атлантическом (оно же, ранее, Калининградское) отделении и его научном коллективе. 15 августа 1980 года по предложению А.С.Монина Ученым советом Института океанологии с участием сотрудников АО ИОАН заместителем директора Института по Атлантическому отделению – директором Отделения был избран Вадим Тимофеевич Пака. Восьмого марта следующего года он был утвержден в этой должности

Президиумом АН СССР (Постановление № 205). Этот пост В.Т.Пака занимает вот уже двадцать восьмой год. Избранию В.Т.Паки директором Отделения предшествовали некоторые мелодраматические события. Дело в том, что на этот пост кроме В.Т.Паки претендовал, более (чем Пака) солидный (в глазах вышестоящего местного начальства), В.М.Литвин. В.М.Литвин был секретарем партийной организации, а до этого – председателем месткома (комитета профсоюза – тоже «номенклатурная» должность), а также доктором наук, причем ставшим таковым первым в Отделении. Он был обстоятелен и даже несколько важен, одевался по моде 50-х гг., а также очень хозяйственен (в Московском университете, который он окончил, у него было прозвище «фермер»). Но главным аргументом областного партийного руководства в выдвижении на директорство именно В.М.Литвина была его партийная должность. Надо сказать, что именно оно – это партийное руководство играло немаловажную роль в кадровой политике подведомственных организаций. (Кстати, именно по настоянию парторганов был освобожден от директорства К.В.Морошкин). Тут мне хочется на минутку «отступить от текста» (как говаривал Н.С.Хрущев), дабы стали более или менее понятны наши взаимоотношения с родной партией. Помню, зашел я как-то в нашу библиотеку и застал там только что «избранного» секретарем партбюро В.М.Литвина, штудировавшего какой-то партийный документ.

- Володя, - спросил я, - хочешь новый анекдот?

- Давай, - без энтузиазма ответил он.

- Знаешь, как расшифровывается аббревиатура «КПСС»?

- Как? – встрепнулся Володя, глаза его загорелись, а на лице появилось такое выражение, будто он собрался заглянуть в окно женской бани во время массовой помывки.

- Коммунистическая партия Советского Союза, - назидательно сказал я и, уходя, добавил, - стыдно секретарю партбюро этого не знать.

- Сволочь, - в шутку, но, по-моему, совершенно искренне, сказал мне Володя вслед.

Так вот. Наверняка директором Отделения стал бы В.М.Литвин, если бы не печальный случай, произошедший с ним в одном из рейсов перед самым, что ни есть, назначением. Случай, кстати, тоже хорошо характеризующий то - прошедшее время. В.М.Литвин, будучи секретарем партбюро, решил, что так называемые «Правила поведения советского моряка за границей» не совсем для него и пошел в увольнение **один**: без положенной группы из трех или более человек (это было, насколько я помню, в Греции – в порту Салоники). К его несчастью нашего первого помощника (судового замполита, отчасти подчиненного Литвину) заменял случайный человек (наш был в отпуске) – какой-то проштрафившийся работник обкома партии. Ему на Литвина и его секретарство было наплевать с высокой башни, наоборот – следовало показать свою высокую принципиальность. Литвина начали искать по всему острову и, наконец, нашли в кинотеатре, смотрящим... эротический фильм! Всё! Дорога на директорство была для него закрыта. Мало того, бедному В.М.Литвину через некоторое время пришлось покинуть Отделение (визу-то закрыли!) и перейти на преподавательскую работу в университет – «сеять разумное, доброе, вечное».

Итак, Отделение начало работать под руководством нового директора, но своего «старого» научного сотрудника. С назначением В.Т.Паки на директорскую должность научная работа в Отделении еще более интенсифицировалась. Этому способствовало прекращение прессинга научных сотрудников «административными отделенческими органами»: завкадрами перестала вылавливать старших научных сотрудников, опоздавших на минуту или две на работу (то, что они сидели на работе до поздней ночи, завкадрами «не кольшило»), легче стало с поездками на село во время «битвы за урожай» и т.д. Способствовало этому и то, что Атлантическому отделению (равно, как и другим отделениям Института) много внимания

уделял А.С.Монин. И очень жаль, что Андрей Сергеевич не успел воплотить в жизнь свою идею: сделать на базе Института и его отделений Объединенный институт океанологии (по примеру Курчатовского центра). Тогда бы каждое отделение, обретя юридический статус, стало институтом со своими специфическими задачами (например, Атлантический институт - на базе Атлантического отделения), но работало под эгидой головного Института океанологии и выполняло общую научную задачу. Проводником идей А.С.Монина и стал В.Т.Пака.

Мне довелось увидеться с Андреем Сергеевичем незадолго до его кончины.

- А что, Алик, - сказал он в конце нашей краткой беседы, - ведь я был прав, выбрав на должность директора - Вадима (*В.Т.Паку* – АЗ). Ведь Отделение от этого только выиграло, не правда ли? А Кира (*К.В.Морошкин* – АЗ) на меня, наверное, до сих пор обижен? Он-то не знал, как на меня ваш обком давил, чтобы его снять...

В 1985 году В.Т.Пака защитил докторскую диссертацию, упрочив тем самым, значение Отделения, как научной организации. Мы, несколько его приятелей, были в это время в экспедиции на «Курчатове» и поздравили его следующей телеграммой:

Кандидатом много лет ты гонял мотоциклет...

Не жалея свои рессоры – двигай дальше в профессоры!

Вадим действительно долгое время ездил на мотоцикле «Ява» (чешского производства) с коляской. Автомобиль (который, в конце концов, угнали) он купил значительно позже.

В это - поистине золотое – «монинское» время Отделение пополнилось молодыми талантливыми ребятами - выпускниками знаменитого Физтеха, МГУ, ЛГУ, КГУ и некоторых других вузов страны. Именно в этот период в АО пришли будущие кандидаты (а то и доктора) наук, ставшие заведующими лабораториями, ведущими научными

сотрудниками и конструкторами. Среди них физики и математики: Олег Гущин, Николай Голенко, Владимир Гриценко, Владимир Богомолов, Андрей Крылов, Анатолий Зайцев, Александр Гайдюков, Валерий Набатов, Владимир Василенко, Сергей Ханаев, Алексей Кулешов, Борис и Ирина Чубаренко, Анатолий Самодуров (впоследствии переведшийся в МГИ АН УССР); геологи и географы: Вадим Сивков, Виктор Стрюк, Николай Свиридов, Анатолий Солдатов, Надежда Лукашина, Сергей Иванов и несколько ранее Вячеслав Орленок и Борис Кошелев; гидрологи Виктор Разживин, Константин Яковлев и Юрий Василюк, а также химик - Виктор Кравцов. В будущем некоторые из названных сотрудников перешли в другие организации или ушли в бизнес. В.А.Гриценко, например, стал заведующим кафедрой географии океана РГУ им. И.Канта, профессором, В.В.Орленок – деканом факультета географии и геоэкологии РГУ и тоже профессором, О.А.Гущин, А.А.Зайцев, А.А.Гайдюков и В.М.Василенко - доцентами РГУ и КГТУ. В.Л.Стрюк занял пост заместителя директора Музея Мирового океана по науке, а В.Н.Набатов – руководителя консалтинговой фирмы, успешно работающей в области канализационных систем, став самым образованным физиком Калининграда по этому разделу «науки». А.Д.Крылов, Ю.Н.Василюк, В.Разживин и К.В.Яковлев занялись бизнесом. А вот геолог Н.И.Свиридов «ударился» в религию, стал настоятелем какой-то «интересной» церкви, уехал на Алтай и живет там вместе со своими прихожанами в полной гармонии с природой. Возглавили лаборатории Отделения В.В.Сивков (который к тому же вместе с А.Д.Крыловым организовал венчурное бюро), В.А.Кравцов и С.Н.Иванов. К сожалению, один из самых талантливых молодых физиков-теоретиков – Владимир Богомолов, видимо, надорвавшись на напряженной работе, ушел из Отделения и недавно скончался в каком-то доме инвалидов. Но все это было несколько позже. А в то время, на котором мы остановились, ведущие научные

сотрудники Отделения: В.А.Бубнов, А.И.Блажчишин, Е.М.Емельянов, Г.С.Карабашев, А.-Э.С.Тримонис, В.М.Литвин, Г.С.Харин начали один за другим издавать фундаментальные монографии. В это время практически не было ни одного серьезного океанологического журнала – от «Океанологии» и «Deep-Sea Research» до Докладов АН СССР, где бы не печатались одна, две статьи наших сотрудников. Имена В.А.Бубнова, Е.М.Емельянова, А.И.Блажчишина, В.Т.Паки, Г.С.Харина получили широкую известность в кругах специалистов-океанологов не только СССР, но и зарубежных стран. Те же В.А.Бубнов, Е.М.Емельянов, В.Т.Пака стали получать приглашения - выступить с пленарными докладами на международных конференциях или прочесть курс лекций в зарубежных университетах. Сотрудники Отделения стали частыми и желанными гостями многих экспедиций, в том числе организуемых нашими зарубежными коллегами на своих научных судах. (Например, Г.С.Харин и Э.С.Тримонис участвовали в работах американского бурового судна «Гломар Челленджер»). Впрочем, об этом я уже говорил выше. И, наверное, не было ни одного национального или международного океанологического проекта, в котором бы не участвовало Отделение. Достаточно вспомнить такие проекты и программы, проводившиеся не только в Атлантике, но практически во всем Мировом океане, как ПОЛИГОН-70, ТРОПЭКС-72, АТЭП-74, ПГЭП, ПОЛИМОДЕ, РАЗРЕЗЫ, ЛИТОС, МЕЗОПОЛИГОН, МЕГАПОЛИГОН, МИКРОСТРУКТУРА, ДЮМАНТ, БАЛТИКА, СЕДИМЕНТ, ГИСЕБ или, наконец, МИРОВОЙ ОКЕАН. Наконец, последнее: Отделение активно участвовало в организации и проведении в Калининграде (или в приморском курортном городке Светлогорске) научных конференций, заседаний, симпозиумов и школ (см. «Научные конференции...» в Приложении).

Активная научная деятельность Отделения была застопорена наступившими «новыми временами». Парадокс: пришедшие на смену тоталитаризму свобода и демократия приостановили развитие океанологии в России – на это не стало средств. Прекратилось даже выполнение так называемых «прикладных» задач (на которые, кстати, работал и отдел экспериментальных гидрофизических исследований - ОЭГФИ, возглавляемый В.Т.Пакой) и «демобилизованные» океанологи-прикладники совсем захирели. Самым скверным было то, что из Отделения начали уходить молодые сотрудники (в том числе кандидаты наук и аспиранты). Они уходили в бизнес или находили более высокооплачиваемую работу. Это было несложно, так как зарплаты сотрудников научных учреждений и, в том числе, Академии наук были мизерны, если вообще были. В Отделении остались только «старики» или сравнительно молодые энтузиасты, «заикленные» на науке. В связи с кончиной В.А.Бубнова и переходом в Институт океанологии Г.С.Карабашева и З.Е.Энтина, а также в КГУ В.М.Литвина прекратили свое существование четыре лаборатории: гидрологии Атлантики, геоморфологии и тектоники, оптических методов исследования океана и прикладной гидрофизики. Бывшая лаборатория В.М.Литвина (геоморфологии и тектоники) вновь стала группой в лаборатории геологии Атлантики, а оставшиеся гидрооптики перешли в ОЭГФИ. Сложнее оказалось с лабораторией гидрологии Атлантики, осиротевшей после кончины В.А.Бубнова. Возглавить ее было некому. В.Д.Егорихин, наиболее подходивший для этой роли, не имел ученой степени (требующейся для занятия этой должности по формальным причинам), Р.В.Абрамов – руководитель группы метеорологии – перешагнул возрастной ценз, а С.Н.Иванов – руководитель группы «Мониторинг» (о ней ниже) был молод и не имел опыта руководства достаточно большим коллективом. Правда, был в группе гидрологии еще один «остепененный» сотрудник, кстати, всеми фибрами души

жаждущий быть заведующим, но он по своим показателям для этого не подходил. (В свое время этого сотрудника, вынужденного уйти из организации, в которой он работал, пожалел и взял в свою лабораторию В.А.Бубнов). В результате, оставшихся гидрологов и метеорологов приютил у себя в ОЭГФИ В.Т.Пака, назначив старшим группы гидрологии В.Д.Егорихина.

Прекратились и экспедиции в Мировой океан – не на что было их организовывать. Не было, также, средств на содержание судов, однако путем невероятных усилий научно-исследовательский флот Института океанологии, приписанный к Отделению, был сохранен. (Тогдашний директор Института член-корреспондент РАН Сергей Сергеевич Лаппо в одном из своих выступлений, посвященных деятельности Института, даже отметил заслугу Атлантического отделения и лично В.Т.Паки в сохранении институтского флота).

Отделение, тем не менее, несмотря на «смутные» времена, продолжало работать. Пришлось, правда, сменить некоторые приоритеты и ориентиры: вместо Мирового океана взгляды научных сотрудников Отделения обратились на Балтийское море, что было, в общем-то, не так уж скверно – Балтийское море перестало быть для нас сиротой. И еще: выжить Отделению помогло верное направление исследований, в которых приняли участие практически все лаборатории, - экология. Экология, которая была позарез нужна новой России. Отделение стало одним из инициаторов и главным исполнителем мониторинга районов Балтики с затопленным после двух мировых войн химическим вооружением: снарядами и бомбами, заполненными отравляющими веществами. Это химическое оружие затапливалось как целыми баржами и пароходами, так и «враспынную» всеми странами, принимавшими активное участие в войнах. При этом никто из них не оставил карт с

районами подводных «подарочков». Пришлось эти районы разыскивать.

В 1990 году из части наших морских метеорологов была образована группа «Мониторинг», которую возглавил кандидат физико-математических наук С.Н.Иванов. Эта группа, обладая специалистами-синоптиками высокого класса и хорошей аппаратурой, фактически заменила калининградскую гидрометеослужбу, распадавшуюся и деморализованную. (Впрочем, такое положение с гидрометеослужбой было повсеместным). Группа «Мониторинг» стала обеспечивать данными о погоде сначала наши собственные суда, а потом (по их настоятельным просьбам) и морские транспортные организации Калининграда, что позволило последним без потерь заниматься всеми видами морской деятельности. (Увы, впоследствии областная гидрометеослужба, весьма слабая в профессиональном отношении, отплатила Отделению черной неблагодарностью: сначала попыталась воспользоваться разработками и трудом наших метеорологов, а потом, получив отказ, инициировала возбуждение против Отделения судебной тяжбы «за занятия не своим делом – прогнозами»).

Важным для Отделения событием ознаменовался 1993 год: Отделение получило новое – второе по счету здание (на улице Пионерской) под еще один лабораторный корпус. В этот дом целиком переехал отдел экспериментальных гидрофизических исследований с лабораторией прибрежных систем и группой гидробиологии. Позднее, там же обосновалась и лаборатория геоэкологии. (О новых лабораториях и группе гидробиологии – ниже). И тут мне хочется сказать еще пару добрых слов о В.Т.Паке. В то время как многие организации в лице их руководства распродавали всё и вся и практически прекращали свое существование, Атлантическое отделение не только не лишилось своей подвижности и недвижности, но, наоборот, приумножило ее.

В связи с новыми задачами – всесторонними и всеобъемлющими исследованиями бассейна Балтийского моря, были созданы и три новые лаборатории: прибрежных систем (в ОЭГФИ), геоэкологии и морской метеорологии (последняя лаборатория объединила три группы: «мониторинг», метеорологии и гидрологии), которые возглавили кандидаты наук Б.В.Чубаренко, В.В.Сивков и С.Н.Иванов. В составе ОЭГФИ начала, также, работать группа гидробиологии под руководством Елены Ежовой (до этого момента биологов в Отделении не было), поскольку новые задачи, связанные с изучением Балтийского моря, требовали и новых подходов, в том числе биологического «вмешательства» в исследования. Сейчас группа гидробиологии находится на стадии преобразования в лабораторию биологии моря.

В это же время многие ведущие сотрудники Отделения стали тесно контактировать с зарубежными коллегами, участвуя в различных международных мероприятиях и организациях. И если отделенческие «старики»: В.Л.Болдырев, Е.М.Емельянов, В.Т.Пака, Г.С.Харин (а ранее и В.А.Бубнов, А.И.Блажчишин, А.-Э.С.Тримонис) и раньше активно взаимодействовали с иностранными коллегами, то теперь к этому подключилась и отделенческая «молодежь»: Н.Н.Голенко, В.А.Кравцов, В.В.Сивков, Б.В. и И.П.Чубаренко, Е.Е.Ежова, а в последнее время Ю.Ю.Полунина.

В 1996 году Отделение получило еще один ценный подарок. Для исследований прибрежной зоны моря, на Балтийской косе, вблизи города Балтийска, благодаря поддержке командующего Балтийским флотом адмирала В.Г.Егорова и мэра Балтийска А.Н.Кузнецова, в одном из зданий бывшей базы морской авиации ДКБФ была создана научная станция с аналогичным названием: «Балтийская коса» с лабораторными и жилыми помещениями. Станция стала не только полигоном для изучения прибрежной зоны моря, но и

базой для прохождения практики студентами вузов соответствующего профиля.

В последние годы в Отделение потянулись молодые выпускники местного университета, который из областного вуза превратился в вуз федерального значения – стал Российским государственным университетом им. Иммануила Канта. Умные, способные ребята, поступающие в аспирантуру к нашим ведущим сотрудникам, стали той «струей свежей крови», которая взбудрила Отделение, придала ему новые силы. Первой среди наших аспирантов защитила кандидатскую диссертацию Марина Кравчишина – одна из самых талантливых молодых сотрудников. (Сейчас она работает в Москве - в Институте океанологии в лаборатории академика А.П.Лисицына). Готовятся к защитам диссертаций Наташа Демченко, Денис Ерошенко и другие молодые сотрудники Отделения.

Как известно, в новой России средства, выделяемые на исследовательские работы, по сравнению с СССР, резко сократились. Теперь, чтобы иметь достаточное финансирование для исследований, надо либо выиграть соответствующий грант, либо включиться в финансируемую государством научную тему. С небольшой натяжкой можно сказать, что теперь всего нужно добиваться лишь своим собственным трудом и талантом и вряд ли возможно, как раньше, просиживать на работе штаны, ничего не делая (а такие сотрудники, увы, бывали и у нас), и получать за это так называемую «зарплату», а по существу просто некое вспомоществование. Надо сказать, что Отделение довольно быстро научилось работать в новых реалиях. Достаточно посмотреть на темы, разрабатываемые сотрудниками Отделения, и на число грантов РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований) и договорных работ (см. *«Исследования...»* в Приложении).

Одним из примеров работы по-новому может служить создание при Атлантическом отделении Балтийского учебно-

научного центра по океанологии и геоэкологии (БУНЦ). БУНЦ был создан в 1997 году в рамках Федеральной целевой программы России «Интеграция» (речь идет об интеграции науки в процесс высшего образования), благодаря дважды выигранным Отделением (в 1997 и 2001 гг.) соответствующим конкурсам. Ранее в БУНЦ входило довольно много учебных и научно-исследовательских организаций: геологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, КГУ, КГТУ, Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота, Балтийский институт экологии гидросферы РАЕН, Музей Мирового океана и др., но в связи с закрытием ФЦП «Интеграция» и прекращением ее финансирования, большинство из них приостановило свое участие в Центре. В настоящее время с Балтийским учебно-научным центром, который сохранился и продолжает успешно функционировать, несмотря на закрытие программы «Интеграция», тесно сотрудничают лишь геологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова и РГУ им. И.Канта, а также Музей Мирового океана. В рамках Центра на базе научной станции «Балтийская коса» проходят летнюю полевую практику студенты многих вузов Москвы и Калининграда (среди них, кроме участников Центра, такие вузы, как МФТИ, университет «Дубна», Университет дружбы народов и др.). Остается сказать, что БУНЦ был создан по инициативе тогдашнего заведующего лабораторией геологии Атлантики, Заслуженного деятеля науки РФ, профессора Е.М.Емельянова, который и поныне является его научным координатором, то есть, руководителем.

Что же сделано в науке-океанологии Атлантическим отделением за прошедшие пятьдесят лет? Давайте посмотрим только на некоторые цифры. За пятьдесят лет жизни Отделения его сотрудниками защищено пятьдесят шесть диссертаций (из них, одиннадцать докторских) и опубликовано сорок четыре монографии и научно-популярные книги (это не считая тех, которые были опубликованы вне

Отделения). Отделение участвовало в более чем пятидесяти научных проектах и программах, в том числе международных. Сотрудники Отделения принимали участие в экспедициях в различные районы Мирового океана на более чем сорока судах СССР–России и зарубежных стран и побывали во **всех** океанах и на **всех** континентах нашей планеты! При этом число экспедиций и стран, в которых побывали сотрудники Отделения, подсчитать трудно – их слишком много. Наконец, ведущие сотрудники Отделения вели (и ведут) активную преподавательскую и просветительскую деятельность, будучи профессорами и доцентами вузов Калининграда и руководителями факультативов и школ юных исследователей, а также ассоциированными сотрудниками и членами ученого совета Музея Мирового океана. А трое наших главных научных сотрудников: профессор Е.М.Емельянов и доктора наук В.Т.Пака и Г.С.Харин являются членами диссертационного совета факультета географии и геоэкологии РГУ им. И.Канта. Многие сотрудники Отделения – активные члены общественных научных организаций (таких как Русское географическое или Гидробиологическое общества при Российской академии наук и Всероссийское геологическое общество), а профессор Е.М.Емельянов еще и действительный член Российской академии естественных наук – академик РАЕН. Он же член нескольких редакционных коллегий научных журналов (в том числе зарубежных).

Сейчас Отделение насчитывает семь научных подразделений: два отдела - экспериментальных гидрофизических исследований и обслуживания глубоководных обитаемых аппаратов (последний - не совсем научный отдел, но входит в «номенклатуру» научных подразделений), и четыре лаборатории - геологии Атлантики, геоэкологии, морской метеорологии и прибрежных систем, а также группу гидробиологии (будущую лабораторию биологии моря). В этих отделах и лабораториях трудятся 89 человек: 50 научных сотрудников (включая директора и

ученого секретаря), из которых - 28 «остепененных» (шесть докторов и 22 кандидата), и 39 ИТР. (В 1961 году – к моменту перехода Отделения под «шапку» Института океанологии - весь штат Отделения состоял из 81 человека, из которых к науке относилось сорок три). Два кандидата и один доктор наук работают в Отделении по совместительству. Все совместители являются преподавателями калининградских вузов и бывшими нашими сотрудниками. Исследования в Отделении ведутся по четырем основным направлениям: физическому, геологическому, экологии морей и океанов и физико-техническому.

В заключение, вероятно, следовало бы перечислить все те научные достижения и разработки, которые были сделаны сотрудниками Отделения за пятьдесят лет его деятельности. Однако для этого надо выпустить отдельную большую монографию. И все же я хочу напомнить об основных научных результатах, полученных либо сотрудниками Отделения, либо при их участии, напомнить буквально несколькими абзацами.

Сотрудники КОМГИ (в частности, Виталий Бубнов) были участниками открытия экваториального противотечения в Атлантическом океане, получившего название «течение Ломоносова» (по имени судна, на котором его открыли), а сотрудники уже АО ИОАН – открытия так называемых «внутритермоклинных линз». Сотрудники Отделения принимали активное участие в исследованиях мезомасштабной вихревой активности океана и западных пограничных течений: Гольфстрима и Куроисио. Результатом последних исследований стало получение закономерностей формирования меандров и рингов этих течений.

Еще в конце семидесятых годов прошлого века Виталий Бубнов вкуче со Львом Кривелевичем разработали планетарную модель формирования кислородного поля в океане. Все тот же В.А.Бубнов, а также В.Д.Егорихин, Р.В.Абрамов, Л.В.Кооль и другие сотрудники лаборатории

гидрологии Атлантики внесли посильный вклад в исследование и описание динамики океана и его взаимодействия с атмосферой в низких широтах и в так называемых «энергоактивных зонах». Результаты исследований динамики вод в низких широтах были обобщены В.А.Бубновым в фундаментальном труде «Циркуляция вод экваториальной зоны Мирового океана».

Сотрудниками отдела экспериментальных гидрофизических исследований (В.Т.Пака, Н.Н.Голенко) изучены гидрофизические процессы, определяющие состояние экосистемы Балтики при меняющихся условиях стратификации, а также механизмы прохождения затоков североморских вод в Балтийское море, и определена их роль в формировании структуры его вод. А совсем недавно Николаем Николаевичем Голенко были определены репрезентативные точки Балтийского моря. (Эта работа получила широкий международный резонанс среди исследователей Балтики).

В лаборатории прибрежных систем (Б.В.Чубаренко) методами численного моделирования, лабораторного и натурного экспериментов определено влияние сезонного выхолаживания на динамику вод в прибрежных зонах Балтийского моря, а также вклад горизонтальной и внутрислойной конвекции в формирование его холодного промежуточного слоя (И.П.Чубаренко), выявлены особенности динамики вод, процессов смешения и транспорта в бесприливных эстуарных лагунах (Б.В.Чубаренко), изучены особенности процессов осадконакопления в мелководных заливах (В.А.Чечко) и исследованы морфолитодинамические процессы в прибрежной зоне песчаных побережий (А.И.Блажчишин, В.Л.Болдырев, А.Н.Бабаков, В.П.Бобыкина).

Это все – в области физики океана.

Сотрудниками конструкторской группы ОЭГФИ под руководством В.Т.Паки разработаны и созданы новые измерительные комплексы для гидрофизических

исследований, в том числе – буксируемые, и методики их эксплуатации. С помощью этих комплексов выполнены (и продолжают выполняться) измерения тонкой структуры океанических и морских вод, а также полей скорости течений в дрейфе или на ходу судна. Это – техника.

В области геологии обобщены и опубликованы данные об осадках, коренных породах, геоморфологии и тектоники дна Атлантического океана и его морей: Балтийского, Средиземного и Черного. Эти работы выполнялись Е.М.Емельяновым, А.И.Блажчишиным, Г.С.Хариним и другими геологами лаборатории геологии Атлантики, которой долгое время руководил профессор и Заслуженный деятель науки России Емельян Михайлович Емельянов. Им же создано и описано в монографии «Барьерные зоны в океане. Осадко- и рудообразование, геоэкология» новое направление морской геологии – лимология: учение о барьерных зонах. (В скобках замечу, что книга Е.М.Емельянова, первоначально опубликованная в России, переведена на английский язык и переиздана издательством «Шпрингер»). Благодаря этому направлению можно изучить и разработать новые критерии прогноза мест образования водно-экзогенных зачаточных руд. Е.М.Емельянов был, также, одним из редакторов и авторов карт неконсолидированных осадков Средиземного и Черного морей, изданных под эгидой ЮНЕСКО.

Учеником Е.М.Емельянова и нынешним заведующим названной выше лаборатории В.А.Кравцовым разработана новая методика селективного, высокочувствительного и одновременного определения концентраций тяжелых металлов в морской воде, успешно применяемая на практике. Им же построена модель химического равновесия для анаэробных впадин Балтийского моря. Кроме этого, на геохимических барьерах Балтийского моря Е.М.Емельяновым и В.А.Кравцовым изучены процессы преобразования форм миграции биогенных элементов, а также переходных и тяжелых металлов.

Сотрудником этой же лаборатории Г.С.Хариным выдвинута идея и доказана периодичность преобразований магматических пород океанического фундамента, что позволяет определить районы возможного рудообразования. Им же выделены палеогеновые и докембрийские коры выветривания в Северной Атлантике, Норвежско-Гренландском регионе и в Калининградской области с которыми связано формирование месторождений нефти, причем очень крупных. А Г.С.Хариным совместно с Е.А.Чернышевой и молодым научным сотрудником Д.В.Ерошенко получены доказательства существования магматизма, связанного с деятельностью Исландского плюма в Баренцевом и Карском морях, который определяет формирование месторождений редких и благородных металлов и алмазов.

Уже в наше время под руководством М.В.Руденко (все та же лаборатория геологии Атлантики) составлена батиметрическая карта Балтики, а В.В.Сивковым и другими сотрудниками лаборатории геоэкологии идентифицированы так называемые «контурные течения» в Балтийском море и создана картографическая модель его геоморфологической эволюции. Ими же открыто явление образования первичных зачаточных окисло-карбонатно-марганцевых руд во впадинах Балтийского моря. А сотрудником этой лаборатории Н.П.Лукашиной определены закономерности распространения современных бентосных фораминифер в Северной Атлантике, а также в Норвежском и Балтийском морях. Монография по последней теме готовится Н.П.Лукашиной к публикации.

Кроме этого, геологами Отделения под руководством Е.М.Емельянова издан фундаментальный труд на английском языке: «Geology of the Gdansk Basin (Baltic Sea)», в котором исследована и описана геология Гданьского бассейна. В этой работе принимали участие практически все сотрудники лабораторий геологии Атлантики и геоэкологии, многие

сотрудники других лабораторий, а также ученые Польши, Литвы и Голландии.

Что же касается наших биологов моря, начавших свою деятельность в Отделении совсем недавно, то и они сумели достичь немаловажных результатов, в частности, оценить воздействие чужеродных видов зообентоса на водные экосистемы Балтийского бассейна.

Кроме того, сотрудники Отделения, занимаясь, согласно академическому статусу Отделения, главным образом фундаментальными исследованиями, очень много делают (и уже сделали) для нужд Калининградской области. Практическое приложение результатов исследований применяется в области экологии, защиты береговой зоны Балтийского моря (здесь многое делается группой сотрудников под руководством В.Л.Болдырева), нахождения мест с полезными ископаемыми, а ранее еще и в области метеорологии. Сотрудники Отделения активно участвуют во многих международных и федеральных проектах, посвященных Калининградской области.

И все это – лишь малая толика того, что сделано в океанологии сотрудниками Атлантического отделения.

Ну, и, наконец, что-то вроде послесловия. Сейчас Отделение, невзирая ни на что (одни только «глобальные» сокращения чего стоят!), продолжает активно работать. Сотрудники Отделения вместе с коллегами из родного Института и других российских и зарубежных НИИ исследуют моря Северо-Западного бассейна (главным образом – Балтийское море, а также Белое) и (когда предоставляется возможность) Черное и Каспийское моря и Атлантический океан. Отделение ведет (и фактически возглавляет) мониторинг районов (в Балтийском и Белом морях, в проливе Скаггерак), зараженных затопленным химическим оружием. Сотрудники Отделения изучают также погодные условия и экологическую обстановку в нашем регионе и разрабатывают модели освоения прибрежных зон Балтики. Сотрудники

продолжают участвовать в экспедициях (правда, не все и не всегда) и публиковать научные статьи и монографии (тоже не все и тоже не всегда). Отделенческие конструкторы изобретают новые приборы, а наши ветераны, достигшие пенсионного возраста, «ударяются» в воспоминания или в свои и чужие жизнеописания – эпистолярный жанр у нас становится модным. Не всё и не у всех складывается удачно, иногда сотрудники ропщут: не хватает средств на полноценное техническое обеспечение научных исследований, не всегда хорошо работают в Отделении электронная почта и Интернет, во многих помещениях давно не было ремонта, а тут еще приходится считать баллы для (*извините за выражение*) ПРНД. (ПРНД – это «Показатель результативности научной деятельности», придуманный двумя министерствами РФ – Минобрнауки и Минздравсоцразвития */не сломать бы язык/*). Ну, и, естественно, в Отделении постепенно происходит смена поколений. «Взрослеют» молодые сотрудники, мужает и занимает руководящие посты «среднее» поколение и уходят (иногда навсегда) старые океанологические «зубры». Так что, жизнь Отделения продолжается и даже активизируется.

К сожалению, в самые последние годы в нашем головном Институте появилось лобби, видящее в Отделении только что-то вроде базы флота, призванной заниматься эксплуатацией бывших научно-исследовательских, а ныне круизных кораблей. Претворить эту идею в жизнь им препятствует научный авторитет Отделения в Институте и в академических «верхах». Да и новый директор Института океанологии, академик Роберт Искандрович Нигматулин – крупный ученый, обладающий огромным опытом научной и организационной работы, как мне кажется, видит в Отделении именно **научную** организацию. Недавно Роберт Искандрович побывал в Отделении и дал высокую оценку его работе. Высоко оценил работу АО ИОРАН и Ученый совет

Института, где В.Т.Пака выступал с отчетным докладом о работе Отделения. И все-таки, что будет дальше - не знаю....

Но хочется верить, что в **2058** году кто-то из моих нынешних совсем молодых коллег будет сидеть над текстом с заголовком: «*От КОМГИ и АО ИОРАН до...*» (тут можно дать волю своей фантазии). И далее: «*к истории **большого** научного учреждения*». А директор Отделения, ну, например, профессор Мария Николаевна Голенко будет страдать от мысли, что скоро придется уступить свой пост кому-то из молодых - без достаточного опыта и знаний..., а тут опять эти гадкие ПРНД.

П Р И Л О Ж Е Н И Е :

1. Книги и монографии, опубликованные сотрудниками АО ИОРАН.
2. Защиты диссертаций сотрудниками АО ИОРАН.
3. Научно-исследовательские и экспедиционные суда, на которых сотрудники Отделения ходили в экспедиции.
4. Научные конференции, симпозиумы, семинары и совещания, проведенные Атлантическим отделением ИОРАН или при его участии.
5. Исследования, проводимые сотрудниками АО ИОРАН в 2007-2009 гг.
6. Примеры экспедиционного «народного творчества»: 19 рейс НИС «Академик Курчатов», 27 рейс НИС «Академик Курчатов», 11 рейс НИС «Дмитрий Менделеев», 4 рейс НИС «Дмитрий Менделеев», 26 «А» рейс «Академик Курчатов»

**Книги и монографии,
опубликованные сотрудниками АО ИОРАН**

№ п/п	Автор (ы)	Название	Издательство, год издания, число страниц	Примечания
1	2	3	4	5
<i>Научные монографии</i>				
1	Р.В.Абрамов Ж.И.Сонтт	«Витязь» и Балтийская коса. Погода и экологическая обстановка	Калининград: АО ИОРАН, ММО, изд. КГУ, 2004. -307 с.	Репринт
2	В.Н.Андронов	Веслоногие рачки родов <i>Diaixis</i> Sars, 1902, <i>Parudimella</i> Fleminger, 1957, <i>Undinella</i> Sars, 1900 и <i>Tharibis</i> Sars, 1902 (Copepoda: Calanoida)	М.: Дельфус, 2002. -79 с.	
3	А.И.Блажчишин	Палеогеография и эволюция поздне-четвертичного осадконакопления в Балтийском море	Калининград: Янтарный сказ, 1998. -160 с.	
4	В.А.Бубнов	Циркуляция вод экваториальной зоны Мирового океана	Л.: ГМИ, 1990. -280 с.	
5	В.А.Бубнов В.Д.Егорихин З.Н.Матвеева С.Е.Навроцкая Д.И.Филиппов	Graphical presentation of the USSR oceanographic observations in the Tropical Atlantic during GATE	Майами (США), 1979. -163 с.	Англ. яз.
6	В.Ф.Дубравин	Поверхностные водные массы и формирование зон биологичес-	С.-Пб.: ГМИ, 2001. -116 с.	

		кой продуктивности Атлантического океана		
7	Е.М.Емельянов	Седиментогенез в бассейне Атлантического океана	М.: Наука, 1982. -190 с.	
8	Е.М.Емельянов	Барьерные зоны в океане. Осадко- и рудообразование, геоэкология	Калининград: Янтарный сказ, 1998. -416 с.	
9	Е.М.Емельянов	Baltic Sea: geology, geochemistry, paleoceanography, pollution	Калининградское кн. изд., 1995. -120 с.	Англ. яз.
10	Е.М.Емельянов	The Barrier Zones in the Ocean	Берлин, Гейдельберг, Нью-Йорк: Шпрингер, 2005. -632 с.	Англ. яз.
11	Е.М.Емельянов Е.А.Романкевич	Геохимия Атлантического океана: органическое вещество и фосфор	М.: Наука, 1974. -220 с.	
12	Е.М.Емельянов Э.С.Тримонис Г.С.Харин	Палеоокеанология Атлантического океана	Л.: Недра, 1989. -247 с.	
13	<u>Е.М.Емельянов</u> К.Выпых	Процессы осадко-накопления в Гданьском бассейне (Балтийское море)	М.: ИОАН, 1987. -273 с.	
14	<u>Е.М.Емельянов</u> К.М.Шимкус	Geochemistry and Sedimentology of the Mediterranean Sea	D.Reidel Publ. Comp., 1986. -554 p.	Англ. яз.
15	Е.М.Емельянов (редактор)	Geology of the Gdansk Basin (Baltic Sea)	Калининград: Янтарный сказ, 2001. -276 с.	Англ. яз.
16	<u>Е.М.Емельянов</u>	Типы донных оса-	Калининград:	

	А.П.Лисицын А.В.Ильин	дков Атлантического океана	МГК, 1975. -370 с.	
17	<u>Е.М.Емельянов</u> А.П.Лисицын <u>Э.С.Тримонис</u> и др.	Геохимия позднекайнозойских отложений Черного моря	М.: Наука, 1982. -242 с.	Еще 6 соавторов
18	Е.М.Емельянов и др.	Геохимия Средиземного моря	К.: Наукова думка, 1979. -131 с.	Три соавтора
19	В.К.Гулялис <u>Е.М.Емельянов</u> (ред.)	Геология Балтийского моря	Вильнюс: Моксла, 1976. -382 с.	
20	А.П.Лисицын Е.Г.Гурвич В.Н.Лукашин <u>Е.М.Емельянов</u> И.Б.Зверинская А.Д.Куринов	Геохимия элементов гидролизатов	М.: Наука, 1980. -225 с.	
21	А.П.Лисицын <u>Е.М.Емельянов</u> (ред.)	Осадкообразование в Балтийском море	М.: Наука, 1981. -246 с.	
22	А.П.Лисицын <u>Е.М.Емельянов</u> <u>Г.Н.Ельцина</u>	Геохимия осадков Атлантического океана	М.: Наука, 1977. -255 с.	
23	Е.М.Емельянов	Simtas vandenuto misliu	Vilnius: Vynturnus, 1986. -320 с.	
24	Е.М.Емельянов	Геология Гданьского бассейна	Калининград: Янтарный сказ, 2001. -150 с.	Англ. яз.
25	<u>Е.М.Емельянов</u> К.М.Шимкус П.Н.Куприн	Unconsolidated bottom sediments the Mediterranean and Black seas	ОК ЮНЕСКО С.-П.: изд. ЦКП ГУНИО ВМФ СССР, 1996	Десять цветных карт, М: 1:1000000
26	Г.С.Карабашев	Флюоресценция в океане	Л.: ГМИ, 1987. -200 с.	
27	Е.К.Ланге	Природоохранный атлас российской части Финского залива	С.-Пб.: Картография, 2006. -60 с.	Несколько соавторов
28	В.М.Литвин	Морфоструктура	М.: Недра,	

		дна океанов	1995.-255 с.	
29	В.М.Литвин	Морфоструктура дна Атлантического океана и ее развитие в мезозое и кайнозое	М., Наука, 1980. -126 с.	
30	В.М.Литвин	The Morphostructure of the Atlantic Ocean Floor	Boston: D.Reidel Publ. Comp., 1984. -172 p.	Англ. яз.
31	К.В.Морошкин	Водные массы Охотского моря	М.: Наука, 1966.-67 с.	
32	Э.С.Тримонис	Терригенная седиментация в Атлантическом океане	М.: Наука, 1995. -255 с.	
33	Г.С.Харин	Магматизм и формирование литосферы Атлантического океана	М.: Наука, 1993. -256 с.	
34	Г.С.Харин, А.Г.Харин	Природопользование и экология с основами экономики	Калининград: БИЭФ, 2006. -137 с.	
35	Г.С.Харин Е.М.Емельянов	Геология Атлантики в Исландском регионе	М.: Наука, 1987. -224 с.	

Научно-популярные книги и воспоминания

1	Р.В.Абрамов	Океанографическое княжество	С.-Пб.: ГМИ, 2002. -254 с.	
2	Р.В.Абрамов	Три встречи «Академика Мстислава Келдыша» с муссонами Эдмунда Галлея	С.-Пб.: ГМИ, 2003. -310 с.	
3	Р.В.Абрамов	Первый вояж	Калининград: АО ИОРАН, ММО, изд.	

			РГУ им. И.Канта, 2007. -304 с.	
4	Е.М.Емельянов	Океан известный и загадочный	Калинин- градское книжное изд., 1987. -240 с.	
5	Е.М.Емельянов	Сто загадок океана	Вильнюс: Витурис, 1986. -416 с.	Литовский язык
6	Е.М.Емельянов	К.М.Шимкус: история нашей творческой жизни (из истории океанологии)	Калининград: ММО, изд. КГУ, 2002. -50 с.	
7	Е.М.Емельянов	Через барьеры - к просторам океана. Воспоминания ученого-океанолога	Калининград: Янтарный сказ, 2006. -361 с.	
8	А.Б.Зубин	Виталий Бубнов и Владимир Егорихин – ведущие гидроло- ги Атлантического отделения	Калининград: АО ИОРАН, изд. КГУ, 2005. -100 с.	
9	А.Б.Зубин	От бака до юта («сказки» старого палубника)	М., 2006. -80 с.	
10	А.Б.Зубин (редактор)	АО ИОРАН – 40 лет со дня основа- ния. Авторы: Е.М.Емельянов, А.Б.Зубин, В.Т.Пака	Калининград, 1998. -24 с.	
11	А.Б.Зубин (составитель)	Андрей (Памяти Андрея Ивановича Брызгалова)	Калининград, 2006. -86 с.	
12	С.Е.Навроцкая	Ходили мы походами...	Калининград: изд. РГУ им. Канта, 2008. -258 с.	

Защиты диссертаций сотрудниками Отделения

Кандидатские диссертации

Год	Сотрудник	Науки
1963	К.В.Морошкин	Географические
1965	Е.М.Емельянов	Геолого-минералог.
1966	В.А.Бубнов	Географические
1967	Р.В.Абрамов	Географические
1967	Е.И.Баранов	Географические
1967	Л.В.Кооль	Географические
1967	В.Т.Пака	Технические
1968	Г.С.Карабашев	Физико-математич.
1968	Л.М.Кривелевич	Физико-математич.
1968	В.В.Навроцкий	Физико-математич.
1971	В.В.Орленок	Геолого-минералог.
1973	А.И.Блажчишин	Геолого-минералог.
1974	О.А.Гущин	Физико-математич.
1974	О.С.Пустельников	Геолого-минералог.
1975	Б.В.Волостных	Географические
1975	М.В.Руденко	Географические
1975	А.С.Самодуров	Физико-математич.
1977	В.М.Василенко	Физико-математич.
1978	Н.И.Свиридов	Геолого-минералог.
1978	В.В.Якубович	Технические
1979	В.А.Богомоллов	Физико-математич.
1979	А.Б.Зубин	Географические
1979	А.Н.Соловьев	Технические
1980	Г.Н.Ельцина	Географические
1981	В.Н.Набатов	Физико-математич.
1982	Н.Н.Голенко	Физико-математич.
1983	А.А.Гайдюков	Физико-математич.
1985	В.А.Гриценко	Физико-математич.
1986	Н.П.Лукашина	Геолого-минералог.
1986	С.Е.Навроцкая	Географические
1987	Б.В.Чубаренко	Физико-математич.
1989	В.А.Разживин	Физико-математич.
1989	С.Н.Иванов	Физико-математич.

1990	И.П.Чубаренко	Технические
1990	А.Д.Крылов	Физико-математич.
1994	В.В.Сивков	Геолого-минералог.
1994	В.А.Кравцов	Химические
1994	В.Л.Стрюк	Географические
2001	Л.Ф.Юспина	Географические
2002	А.А.Пустовой	Геолого-минералог.
2003	А.Н.Бабаков	Географические
2006	Ю.Ю.Полунина	Биологические
2006	В.А.Чечко	Геолого-минералог.
2007	Е.Е.Ежова	Биологические
2007	М.Д.Кравчишина	Геолого-минералог.

Докторские диссертации

Год	Сотрудник	Науки
1980	В.М.Литвин	Географические
1981	Е.М.Емельянов	Геолого-минералогические
1982	Г.С.Карабашев	Физико-математические
1985	В.Т.Пака	Физико-математические
1987	В.А.Бубнов	Географические
1990	Г.С.Харин	Геолого-минералогические
1990	А.-Э.С.Тримонис	Геолого-минералогические
1995	А.И.Блажчишин	Геолого-минералогические
1999	В.А.Гриценко	Физико-математические
2002	В.Ф.Дубравин	Географические
2007	Н.П.Лукашина	Геолого-минералогические

**Научно-исследовательские и экспедиционные суда,
на которых сотрудники Отделения ходили в экспедиции**

№№	Название судна	Ведомство, организация
1	НИС «Витязь»-III	Институт океанологии им. П.П.Ширшова АН СССР
2	НИС «Витязь»-IV	ИОАН СССР
3	НИС «Академик Курчатов»	ИОАН СССР
4	НИС «Дмитрий Менделеев»	ИОАН СССР
5	Э/С «Профессор Добрынин»	Калининградское отделение ИОАН СССР
6	НИС «Профессор Штокман»	Институт океанологии им. П.П.Ширшова РАН
7	НИС «Академик Мстислав Келдыш»	ИОРАН
8	НИС «Академик Сергей Вавилов»	ИОРАН
9	НИС «Академик Иоффе»	ИОРАН
10	Э/С «Шельф»	Атлантическое отделение ИОРАН
11	НИС «Профессор Богоров»	Тихоокеанский институт океанологии ДВНЦ АН СССР
12	НИС «Сергей Вавилов»	Южное отделение ИОАН СССР
13	Э/С «Акванавт»	ЮО ИОАН СССР
14	Э/С «Рифт»	ЮО ИОАН СССР
15	ЭОС «Молдавия»	Гл. управление навигации и океанографии МО СССР
16	ЭОС «Фаддей Беллинсгаузен»	ГУНИО МО СССР
17	ЭОС «Экватор»	ГУНИО МО СССР
18	ЭОС «Створ»	ГУНИО МО СССР
19	ЭОС «Полюс»	ГУНИО МО СССР
20	ЭОС «Седов»	ГУНИО МО СССР
21	НПС «Звезда»	АтлантНИРО, Минрыбхоз СССР

22	БМРТ «Белогорск»	АтлантНИРО
23	НИС «Академик Вернадский»	Морской гидрофизический институт АН УССР
24	НИС «Михаил Ломоносов»	Морской гидрофизический институт АН СССР
25	УС «Московский университет»	МГУ им. М.В.Ломоносова
26	Э/С «Гидролог»	ДВНИГМИ, Госкомгидромет
27	НС «Профессор Альберт Пенк»	Институт мореведения (ГДР)
28	Н/С «Александр фон-Гумбольдт»	Институт мореведения (ГДР)
29	Б/С «Гломар Челленджер»	Вудсхольский океанографический институт (США)
30	Н/С «Гидромет»	Институт океанологии Польской академии наук
31	Н/С «Океанограф»	ИО ПАН
32	Н/С «Оцеания»	ИО ПАН
33	Катамаран «Центарус-2»	РГГМУ
34	НИС «Медуза»	КасНИИРХ Госкомитета по рыболовству
35	НИС «Эколог»	Архангельское отделение ИОРАН
36	Э/С «Атлантида»	ЗАО ИЭЦ «Эконефтегаз»
37	НС «Мария С.Мерион»	Швеция
38	Яхта-катамаран «Аквариус»	РГГМУ
39	Н/С «Скагеррак»	Гетеборгский университет (Швеция)
40	Н/С «Посейдон»	Институт мореведения ФРГ
41	Э/С «Атлантида»	АтлантНИРО
42	Э/С «АтлантНИРО»	АтлантНИРО
43	Яхта «Ласточка»	АО ИОРАН
44	Катамаран «Икар»	РГГМУ
45	Э/С «Фриц Ройтер»	Германия

Научные конференции, симпозиумы, семинары, школы и совещания, проведенные АО ИОРАН или при его участии

№№	Год	Конференция
1	1972	Симпозиум: «Геологии юго-восточной части Тихого океана»
2	1974	Всесоюзный семинар: «Глубоководные осадки современных морей и океанов»
3	1974	Симпозиум: «Исследование мелкомасштабной океанической турбулентности»
4	1987	V Пленум рабочей группы «Оптика океана» Комиссии АН СССР по проблемам Мирового океана
5	1981	Всесоюзная школа по экспериментальному и теоретическому изучению морских течений
6	1982	II Научно-теоретическая конференция ГО СССР по изучению открытой части Атлантического океана
7	1983	Заседание геолого-геофизической комиссии Атлантической бассейновой секции ГКНТ по проблеме геоморфологии дна океана
8	1983	I Всесоюзная конференция по географии и картографии океана ГО СССР
9	1984	Рабочее совещание: «Поле температуры поверхности океана»
10	1985	III Региональная конференция ГО СССР «Комплексное изучение природы Атлантического океана»
11	1985	Всесоюзная школа: «Современные методы морских геологических исследований»
12	1985	Всесоюзный симпозиум: «Механизм генерации мелкомасштабной турбулентности в океане»
13	1987	IV Региональная конференция ГО СССР «Комплексное изучение природы Атлантического океана»
14	1987	II Всесоюзное совещание: «Современные методы геологических исследований в океане»
15	1989	V Региональная конференция ГО СССР «Комплексное изучение природы Атлантического океана»
16	1989	IV Всесоюзная конференция «География Мирового океана на службе рационального использования морских ресурсов»

17	1990	Всесоюзная конференция: «Вихри, волны и турбулентность в океане»
18	1991	VI Региональная конференция ГО СССР «Комплексное изучение природы Атлантического океана»
19	1991	Международная конференция: «Экобалтика-91»
20	1993	VII Региональная конференция ГО СССР «Комплексное изучение природы Атлантического океана»
21	2004	Семинар INTERREG-TASIS: «Подходы к управлению водными ресурсами в ЕС и опыт муниципальных образований в использовании бассейнового принципа управления (на примере Швеции)»
22	2004	XXI Международная береговая конференция: «Прибрежная зона моря: морфолитодинамика и геоэкология»
23	2005	Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора М.М.Ермолаева
24	2005	Рабочий семинар по российско-германскому проекту GISEB*
25	2005	Международный семинар: «European approach to Environmental Impact Assessment and EIA modeling tools for the Water environment»
26	2005	Seagull INTERREG Water Working Group Meeting (май)
27	2005	Seagull INTERREG Water Working Group Meeting (октябрь)
28	2006	XII Региональная конференция: «Комплексное изучение бассейна Атлантического океана»
29	2006	Информационный семинар EUCC
30	2006	Международное совещание геологов Литвы и Калининграда по вопросам четвертичной палеогеографии Прибалтики
31	2006	I Международное совещание рабочих групп по проекту MERCW*
32	2006	Рабочее совещание с представителями Государственного геологического института Польши по вопросам неогеновой палеогеографии Прибалтики
33	2006	Рабочее совещание с представителями Литвы и Польши по проекту INTERREG-TASIS

34	2006	Международный семинар по защите берегов Юго-Восточной Балтики
35	2006	Международный семинар по проекту «POWER»
36	2007	Региональная конференция РГО «Экологические проблемы Калининградской области и Балтийского региона»
37	2007	Симпозиум ЕССА: «Эстуарные экосистемы: структура, функционирование и управление»
38	2007	Международное совещание: «Возможности и необходимость использования дистанционных методов оперативного контроля состояния морской среды в прибрежной зоне Калининградской области»
39	2007	Выездная сессия Бюро Отделения наук о Земле РАН
40	2008	Международная конференция: «Комплексное управление, индикаторы развития, пространственное планирование и мониторинг Юго-Восточной Балтики»
41	2008	Международная конференция (школа-семинар) «Динамика прибрежной зоны бесприливных морей»

*GISEB – пространственно-временное моделирование донных осадков Балтийского моря; MERCW – моделирование экологических рисков, связанных с затопленным в море химическим оружием

**Исследования, проводимые сотрудниками АО ИОРАН
(2007-2009 гг.)**

№	Тема исследования	Лабо- ратория	Руководители, проекты и фонды
1	Экспериментальные и теоретические исследования процессов формирования мезо- и микромасштабной структуры гидрофизических полей в характерных районах Балтийского моря	ОЭГФИ	Дфмн В.Т.Пака, кфмн Н.Н.Голенко
2	Изучение Балтийской морской экосистемы и воздействия естественных и техногенных факторов на изменение ее состояния	ОЭГФИ ЛГА	Дфмн В.Т.Пака, дгмн, проф. Е.М.Емельянов Проект ЕС
3	Исследование сопряженных гидрометеорологических полей в отдельных районах Северной Атлантики. Анализ и моделирование региональных гидрометеорологических полей в их связи с процессами в Атлантическом океане. Разработка методики прогнозов для региона Балтийского моря	ЛММ	Кфмн С.Н.Иванов
4	Комплексное изучение динамики прибрежных систем и их роли в каскадном процессе транспорта и трансформации вещества и энергии	ЛПС	Кфмн Б.В.Чубаренко
5	Процессы осадко- и рудообразования в морях северо-запада Европы и в Баренцевом море, их литология, геохимия и геоэкология	ЛГА	Дгмн, проф. Е.М.Емельянов, кхн В.А.Кравцов
6	Геология и минеральные ресурсы Юго-Восточной Балтики, Северной Атлантики и Норвежско-Гренландского бассейна	ЛГА	Дгмн Г.С.Харин

7	Эволюция бассейновых седиментосистем, их экологическое значение и мониторинг	ЛГЭ	Кгмн В.В.Сивков
8	Особенности функционирования биологических сообществ в прибрежных, эстуарных и лагунных экосистемах Юго-Восточной и открытой Балтики	ГГБ	Кбн Е.Е.Ежова
9	Биотические взаимодействия в водных экосистемах	ГГБ	Кбн Ю.Ю.Полунина
10	Разработка новых измерительных комплексов и методов их использования для исследования мелко-масштабных неоднородностей термохалинной структуры моря	ОЭГФИ	Дфмн В.Т.Пака
11	Специальный мониторинг районов массового захоронения химвооружений в Балтийском море	ОЭГФИ	Дфмн В.Т.Пака
12	Разработка основ научно-информационного обеспечения морской деятельности в Калининградской области	ЛПС	Кфмн Б.В.Чубаренко
13	Изучение процессов размыва и переотложения донных осадков придонными течениями и процессов формирования рельефа дна Балтийского моря. Оценка степени загрязнения донных осадков токсичными металлами	ЛГА	Дгмн, проф. Е.М.Емельянов, кхн В.А.Кравцов, дгмн Г.С.Харин
14	Исследование изменений структурных и функциональных характеристик биологических сообществ Балтийского моря	ГГБ	Кбн Е.Е.Ежова
15	Исследования Балтийского моря с участием студентов вузов	БУНЦ	Дгмн, проф. Е.М.Емельянов
16	Гидрохимические особенности и геоэкологическая обстановка в анаэробных бассейнах	ЛГА	Дгмн, проф. Е.М.Емельянов Грант РФФИ

17	Состав и эволюция щелочных магм, образующихся на океанических и континентальных плитах под влиянием мантийных плюмов	ЛГА	Кгмн Е.А.Чернышева Грант РФФИ
18	Горизонтальная конвекция и ее вклад в формирование холодного промежуточного слоя Балтийского моря	ЛПС	Ктн И.П.Чубаренко Инициативная работа
19	Механизм сезонного водообмена шельфа с открытой морской акваторией и его реакция на прогнозируемое изменение климата	ЛПС	Ктх И.П.Чубаренко Грант РФФИ
20	Изучение потоков и особенностей распространения загрязнений в системе «река-залив-море»	ЛГЭ ЛПС	Кгмн В.В.Сивков, кфмн Б.В.Чубаренко Грант РФФИ
21	Изучение микробной биогеохимии цикла углерода и серы в Юго-Восточной Балтике	ЛГЭ	Кгмн В.В.Сивков Грант РФФИ
22	Определение роли внутренних волн, турбулентности, процессов апвеллинга при формировании особенностей гидрофизических полей	ОЭГФИ	Кфмн Н.Н.Голенко Грант РФФИ
23	Роль репрезентативных точек при проведении тестирования численных моделей и адаптации данных	ОЭГФИ	Кфмн Н.Н.Голенко Инициативная Работа
24	Исследование гидрофизических процессов в районе Слупского порога Балтийского моря	ОЭГФИ	Дфмн В.Т.Пака Инициативная Работа
25	Оценка отклика лагунно-эстуарных водных систем Балтийского моря на перспективные климатические изменения с учетом антропогенного влияния	ЛПС	Кфмн Б.В.Чубаренко Грант РФФИ

26	Мониторинг районов захоронения химвооружений в Борнхольмской и Гданьской впадинах Балтийского моря и моделирование экологических рисков	ОЭГФИ	Дфмн В.Т.Пака Проект MERCW
27	Определение перспектив развития морской ветроэнергетики в акваториях Литвы, Польши и России (Калининградской области)	ЛГЭ	Кгмн В.В.Сивков Проект INTER- REG-TACIS
28	Разработка индикаторов устойчивого развития для комплексного управления прибрежной зоной в Юго-Восточной Балтике	ЛПС	Кфмн Б.В.Чубаренко Проект INTER- REG-TACIS
29	Обеспечение гидрометеорологической информацией десяти судоходных и транспортных организаций Калининграда	ЛММ	Кфмн С.Н.Иванов Договорная работа
30	Разработка программы защиты побережья Балтийского моря, Калининградского и Куршского заливов в пределах Калининградской области	ЛПС	Кфмн Б.В.Чубаренко Договорная работа
31	Мониторинг побережья Калининградской области и адаптация данных для информационно-прогнозной системы береговой зоны Калининградской области	ЛПС	Кфмн Б.В.Чубаренко Договорная работа
32	Геолого-экологический мониторинг Юго-Восточной Балтики. Спутниковый мониторинг нефтяных загрязнений	ЛГЭ	Кгмн В.В.Сивков Договорная работа
33	Комплексный гидробиологический мониторинг береговой зоны и прибрежных экосистем Куршского залива	ГГБ	Кбн Е.Е.Ежова Договорная работа

Примечание: ОЭГФИ – отдел экспериментальных гидрофизических исследований, ЛГА – лаборатория геологии Атлантики, ЛММ – лаборатория морской метеорологии, ЛПС – лаборатория прибрежных систем, ЛГЭ – лаборатория геоэкологии, ГГБ – группа гидробиологии, БУНЦ – Балтийский учебно-научный центр по океанологии и геоэкологии при АО ИОРАН, MERCW – «Моделирование экологических рисков, связанных с затопленным в море химическим оружием»

Примеры экспедиционного «народного творчества»

19 рейс НИС «Академик Курчатов» (программа ТРОПЭКС), Атлантика, июнь-октябрь 1974 г.

Мы вышли в этот рейс с Одессы-мамы,
ТРОПЭКСом обозвали наш поход,
девочки, мужчины, даже дамы
заселили весь наш пароход.

Завалили трюмы разным хламом,
пять бுவ Бузовкин¹ приволок,
вспоминали штурмана «за маму»,
боцман матерился в подволок.

Шли в Одессу в адрес наш вагоны,
дым и пыль летели с под колес,
это в рейс железные баллоны
Зайчиков¹ откуда-то завез.

Он же взял резиновых изделий²,
чтоб летали как аэроплан
(Баковский завод² на этом деле
выполнил квартальный промфинплан).

Взяли, также, тросы и вертушки,
двух американцев дружбы для,
огурцов соленых две кадушки,
а для счета взяли Мирабля¹.

Погрузили ящики с шипучкой,
Портовых оставили подруг,
сделали Одессе-маме ручкой
и пошли прямехонько на юг.

Надо было спрятаться на хазах,
чтоб не разыскало МВД,
а теперь вот вкалывай на фазах² –
первая, вторая и т.д.

Капитан с начальником мудрили,
как бы выбрать меньшее из зол –
если б за границу заходили,
было б с кем сразиться в волейбол.

Первый раз зашли в Леоне-Сьерру³
(таки отыскивали закуток!),

было в Сьерре той довольно серо,
с неба непрерывно лил поток.
А ходили все мы там повзводно,
женщин окружали мы стеной:
говорили, там их кушать модно
(нашей же не съели ни одной).
А в Дакаре все ж дома повыше
(я б его не видел целый век),
первым дядя Дима¹ в город вышел
(наш пожарник – милый человек).
С ним случился случай нехороший –
чуть не сперли фотоаппарат –
местный фрайер в доску чернокожий
(хоть и чернокожий, все же гад).
Но не растерялся дядя Дима,
он не зря в погранвойсках служил,
первый раз он, правда, врезал мимо,
со второго гада приложил.
И вдогонку черному пижону
бросил дядя Дима свой кипон
и теперь по городу чужому
с босой головою ходит он.
Не бывает ведь огня без дыма...
Доложить согражданам я рад:
ходит в шапке негр «Привет из Крыма»,
но при дяде Диме аппарат.
Так живем и тихо, и неброско...
Варит Дудник¹ луковый бульон,
если ж слышен громкий смех Бубновской¹,
значит выдается «Совиньон»².
Мы уж очень скоро будем дома,
сорок дней каких-то впереди,
только бы еще зайти в Бордо³ нам,
в Лас-Пальмас³ еще бы нам зайти...
Плыви ж наш пароход по океану,
выставляя красные буя,
больше вас насиловать не стану –
песенка кончается моя.

¹В.М.Бузовкин – инженер АО ИОАН, работал в отряде течений; Б.П.Зайчиков – сотрудник Центральной аэрологической лаборатории, начальник отряда аэрологии; А.П.Мирабель – кфмн, снс ИОАН, начальник отряда математической обработки данных; дядя Дима - Д.И.Венедиктов – пожарный помощник капитана, бывший начальник погранзаставы Калининградского порта; Л.Дудник – шеф-повар НИС «Ак. Курчатов»; З.С.Бубновская – инженер АО ИОАН, переводчик.

²...Резиновых изделий... - имеются в виду аэрологические зонды; Баковский завод – завод по изготовлению презервативов (пос. Баковка, Московская область); фазы – разделы экспедиционных работ; «Совиньон» – сухое вино (положенное морякам в тропиках).

³Заграничные заходы НИС «Академик Курчатов» во время 19-го рейса: Фритаун (Сьерра-Леоне), Бордо (Франция), Лас-Пальмас (о-в Гран-Канария, Канарские острова).

**27 рейс НИС «Академик Курчатов»
(программа ПОЛИМОДЕ),
Атлантика, июль-октябрь 1978 г.**

Когда в июле мы ушли с Калининграда,
Здесь собралась у нас компания что надо:
Собрались Олечка и Клава Глазунова,
С собою девочки имели Иванова*.
Приехал доктор из Москвы – известный Костя,
Привез Тутевича он – «каменного гостя»,
Привез двух барышень: лихую Гинзбург Аню*
И очень тихую Беляевскую Маню*.
Студенты съехались – фартовые ребята,
Мораль крепка у них, зато мала зарплата,
Не пьют, не шастают, но кушают все вдвое
И вся зарплата их идет до тети Зои*.
Возник тихонько скромный Янкель с ИЗМИРАНа**,
С ним две «казанские сиротки» - Таня, Анна,
Стал проворачивать преступную аферу –
Всю по частицам разбирать ионосферу.
С Новосибирска прикатили два пижона,
Лишь только вышли они с мягкого вагона,
Как прихватил их на перроне Вадя Пака*
И запихал их в свой шикарный «Хьюллет-Паккард»¹.
Они в машине вдруг увидели Арвана* –
Тот вынимал чего-то с заднего кармана,
Струхнули мальчики: пришла пора загнуться...
(А тот хотел лишь по культурному сморкнуться).
Теченцы в рейс пошли, чтоб смыться от колхоза,
Интеллигенция – биндюжники с Привоза,
От тех Бермуд они до Кубы и Майами
Весь треугольничек² заставили буями.
А раньше с ними был биндюжник некто Вова*
И хоть отправился он в наш круизер снова,
Но уж начальником пошел над реквизитом
И стал зажимщиком он, гад, и паразитом...
Никто не думал, что он будет таким жмотом,
Теченцы ящики катают, злеют по́том,

А он им спирту не дает для механизмов,
 Что очень нужен для промывки организмов.
 Но только вышли, стало всем нам не до смеха,
 Всех напугал помощник старший К.Смолехо*,
 Он нам сказал, что маловаты наши шансы,
 Что окружают нас ужасные нюансы.
 Один нюансик был за старые газеты –
 Чтоб не кидали их, пардон, в ватер-клозеты,
 В большом нюансе говорилось за жилеты³,
 Чтобы они всегда на нас были надеты.
 Поскольку, если вдруг ударит судно штормом
 И вы окажетесь случайно рыбьим кормом,
 Вас без жилетки будет очень плохо видно,
 И рыбкам может быть от этого обидно.
 Начальству ж будет без жилетки очень трудно
 Ваши остатки опознать: или вы с судна?
 А может синюю не там увидев птицу,
 Рванули вдруг, я извиняюсь, за границу...
 Работать стали не за страх мы, а за совесть,
 Все ожидали, что о нас напишут повесть
 И даже может быть в стихах напишут снова
 (Не зря ж Пегасик оседлал Опекунова*).
 В отряде Гинзбург так уж та была работа:
 На баке сутками у ней скрипело что-то,
 Без интереса мне - кто это так старался,
 Но после скрипа, слышал, АИСТ¹ появлялся.
 Но больше всех шумели тихие крестьяне,
 Те, что все море закидали эксбитями¹,
 Не потому, что было им работать скверно,
 а потому, что был начальник ихний* нервным.
 А тут зашел старик Донатыч* к ним однажды
 (С утра он, бедный, сильно мучился от жажды),
 Увидев дядечку, Степановна* сомлела,
 А в солемере¹ враз нутро сгорело.
 Начальник наш имел халтурку даже в море –
 Он президентом был в каком-то ихнем СКОРе**,
 И он завел, как в ихнем СКОРе, семинары,
 Где разводили..., нет, не это, тары-бары.

Сначала было в семинарах тихо слишком,
Потом туда явился с шоблой Резник Гришка*
И стал, зараза, он тянуть на президента
(В нем, видно, с детства воспитали диссидента).
А как-то стукнул по дороге нам Абрамчик*,
Что нас прихватит где-то ночью ураганчик,
Но, оказалось, что ошибся кореш Аба,
Не ураган то был, а «Элла»², словом баба.
Брехать не буду, нас она и не достала,
А только нервы нашим дамам потрепала,
Лишь цыкнул зубом на нее Апехтин Коля*,
Как «Элла» дернула от нас, что мышь в подполе
Что в океане понатырыли, набрали –
Все в Мирабеля* заведение сдавали,
Там пересчитывал все тщательно Петрович,
С ним вместе этим занимался Гайдюкович*.
Им помогали Миша Чусов с Петей Баргом*,
Но так возились они долго с этим скарбом
(Себе считали, а другим тянули, стервы),
Что всем начальникам вконец смотали нервы.
Когда до финиша осталась неделя,
Начальник вызвал к себе в номер Мирабеля
И так сказал ему, от злости весь зверяя:
«Андрюша, или ви считаете бистрэ».
Но вот посчитано все, сделаны все списки,
Борис Михалыч* раздает уже записки³,
Все теоретики готовят сообщенья
И лишь к обеду покидают помещенья.
Осталось нам идти всего меньше недели,
Сосиски, кажется, мы все уже доели,
Войдем в балтийские мы скоро наши воды
И кончим к маме той работу в ПОЛИМОДЕ**.

Примечания: *Участники экспедиции: Олечка – машинистка (ИОАН); Клава Глазунова – К.Н.Глазунова – ученый секретарь экспедиции, кгмн (ИОАН); Иванов – Ю.А.Иванов – зам. начальника экспедиции, кгн (ныне профессор, дфмн - ИОАН); Костя – К.Н.Федоров (1927-1988) – начальник экспедиции, дфмн (в дальнейшем - член-корр. АН СССР - ИОАН); Тутевич – профессор

Института нефти и газа; Гинзбург Аня – А.И.Гинзбург - начальник отряда экспериментальной физики океана, кфмн (ИОАН); Беляевская Маня – М.Беляева – инженер (ИОАН); тетья Зоя – З.Мищенко – начпрод судна; Янкель – В.Г.Янке – начальник отряда ионосферы и космических лучей (ИЗМИРАН); Таня, Анна – инженеры (ИЗМИРАН); Вадя Пака – В.Т.Пака – начальник отряда буксируемых устройств, ктн (в дальнейшем - дфмн, директор АО ИОАН); Арван – Б.М.Арван – ст. инженер (АО ИОАН); Вова – В.Д.Егорихин (1934-2001) – зам. начальника экспедиции (АО ИОАН); К.Смолехо – ст. помощник капитана; Опекунов – второй помощник капитана; «нервный начальник» - В.А.Бубнов (1936-1994) – начальник отряда гидрологии, кгн (в дальнейшем - дгн, зав. лабораторией АО ИОАН); Донатыч – П.Д.Новиков – начальник отряда гидрохимии (ИОАН); Степановна – В.С.Федорова – ст. инженер (ИОАН); Гришка Резник – Г.М.Резник – кфмн (в дальнейшем – дфмн, проф. - ИОАН); Абрамчик – Р.В.Абрамов – начальник отряда метеорологии, кгн (АО ИОАН); Апехтин Коля – Н.В.Апехтин – капитан «Курчатова», кдп; Мирабель – А.П.Мирабель – начальник отряда обработки информации по течениям, кфмн (в дальнейшем дфмн, проф. - ИОАН); Гайдюкович – А.А.Гайдюков – начальник отряда обработки данных по гидрологии и зондированиям, кфмн (АО ИОАН); М.Чусов и Питербарг – научные сотрудники (ИОАН); Борис Михалыч – Б.М.Дерендяев – первый помощник капитана. Автор очерка также был участником рейса – начальником отряда течений.

**ИЗМИРАН – Институт земного магнетизма и ионосферы АН СССР, СКОР – Научный комитет по исследованию океана, ПОЛИМОДЕ – советско-американский эксперимент по исследованию синоптической изменчивости океана.

¹Хьюллет-Паккард – ЭВМ, АИСТ – прибор для измерений физических характеристик океана, «эксбити» - ХВТ (англ.) – обрывной температурный зонд, солемер – прибор для определения солености воды.

²Треугольник – «Бермудский треугольник», в котором проводились работы по эксперименту ПОЛИМОДЕ, «Элла» - ураган, прошедший в западной части Атлантического океана.

³Жилеты – речь идет о спасательных жилетах, записки – первый помощник капитана выдавал записки-разрешения на покупку в судовой лавочке спиртных напитков.

**11 рейс НИС «Дмитрий Менделеев»,
Тихий океан, декабрь 1973 – апрель 1974 гг.**

Всем давно уже известно
(это знают повсеместно):
институтские суда
ходят в тропики всегда.
Потому как те районы
интересны для ученых:
как ни как идет процент¹
(а у нас не всяк доцент).
Шли и мы туда – в тепло,
но... письмо до нас дошло.
В нем директор пишет строго,
что не та у нас дорога -
в тропик больше не моги,
не раскисли чтоб мозги...
Повернуть нам надо к югу,
где бушует злая вьюга
и идти до самых льдов,
не пугаясь холодов.
Руководство возмутилось,
но... потом перекрестилось,
повернуло пароход
и дало тихонько ход.
(Гнев директорский страшён –
будешь премии лишен).
И дошли мы от испуга
до Полярного, до круга.
Каждый был безмерно горд –
установлен, чай, рекорд:
чай «Курчатова» побили!²
Руки жали, водку пили
и хотя назад спешили
все ж на радостях решили
день хотя бы и один
постоять среди битых льдин.
Шлюпку на воду спустили
И посадку объявили.

Кто решителен и смел,
тот, естественно, и сел
(и, конечно, было б странно
не увидеть там Натанну³).
Кто с приборами возился,
у лебедек суетился -
не успели записаться,
не сумели покататься.
В это время возле льдины
веселились пингвины
(с судна Канарев Борис³
все манил их: «Кис, кис, кис!»),
но они всего два раза
подмигнули - вот заразы).
Шлюпка ж тихо к ним подплыла
с зада, то есть, значит – с тыла
и один, который зам³,
взять пингвина взялся сам.
К ним пополз – ну прямо уж
(тощ и длинен, хоть и дюж).
Метра три он полз на брюхе,
чтоб пингвина взять «за уши»,
но пингвин, с насмешкой глядя,
говорит: «Спокойно, дядя,
уберите ваши руки,
берегите лучше брюки,
нешто клюну в ягодицы –
век не сможете садиться!»
и потопал не спеша,
лапкой сделавши шиша.
Что ж, пришлось идти назад,
где тюлени возлежат.
Ну, тюлень спокойный малый
(или шибко залежалый) –
приоткроет один глаз
и опять закроет враз.
И уж как его чесали,
как его не щекотали,

все ему спокойно спится
(как на судне докторице).
Но когда один ученый
(зуб в котором золоченый)
на тюленя сел с ногами,
вспомнив, походя, о маме,
зверь, конечно, возмутился,
в полынью со льда свалился,
от обиды аж нырнул
(может, часом, утонул...),
закричав в последний миг:
«К дикарям я не привык!».
В антарктические воды
этим кончились заходы.

¹Самый высокий процент надбавки к зарплате участников экспедиции был в тропических широтах Мирового океана.

²До «Дмитрия Менделеева» в высоких широтах побывал «Академик Курчатов».

³Натанна – Анна Натановна Гезенцвей – участник экспедиции, старейший сотрудник Института океанологии, Борис Конарев – участник экспедиции, старший инженер АО ИОАН, большой любитель птиц, Зам. – В.Т.Пака – зам. начальника экспедиции, ктн, зав. лабораторией АО ИОАН (ныне - дфмн, директор АО ИОРАН).

**Из предновогодней радиогазеты 11 рейса
НИС «Дмитрий Менделеев»:**

В. (*Валентина Кильпута*): Внимание! Говорит радио «Дмитрия Менделеева»! Говорит радио «Дмитрия Менделеева»! Дорогие товарищи! Нам выпала большая честь вести передачу в канун новогоднего праздника...

Б. (*Борис Гаврилин*): Сегодня 30 декабря, воскресенье. Идет шестнадцатый день плавания. Погода – так себе.

В.: Уже пройдено 5050 миль, до Аделаиды осталось три дня и три ночи. Сейчас мы вышли в Тасманово море, а в 16 часов справа вы сможете увидеть Сидней. Как обычно, мы обратились с рядом новогодних вопросов к некоторым сотрудникам нашей экспедиции. Первым, как всегда, оказался Гога, простите, Георгий Сергеевич. Скажите, Георгий Сергеевич, Вы действительно первый раз в такой экспедиции?

Б.: Да, - остроумно ответил Георгий Сергеевич.

В.: Очень интересно, а, скажите, у Вас есть хобби?

Б.: Да, хобби у меня есть. Я люблю давать интервью в радиогазету.

В.: И еще – последний вопрос: чего Вы лично ждете от рейса?

Б.: Счастья в труде, крепкого здоровья, больших успехов в личной жизни.

В.: Спасибо, Го... Георгий Сергеевич. Затем мы обратились к заместителю начальника экспедиции. Вадим Тимофеевич, по утрам Вас часто можно видеть на верхнем мостике завязанного простым штыковым узлом. Скажите, как обстоят дела с другими морскими узлами?

Б.: Сейчас я, - ответил нам Вадим, - действительно могу завязываться только простым штыком, но под руководством боцмана я уже начал осваивать и другие морские узлы, как то: прямой, шкотовый, выбленочный. Полагаю, к концу рейса усовершенствуюсь до такой степени, что смогу накладываться в качестве марки на кабель-трос.

В.: Спасибо, Вадим Йогович, желаем Вам больших успехов в вашем нелегком труде. А сейчас мимо нас пробегает кандидат геолого-минералогических наук Александр Городницкий. Здравствуйте, Саша, – сказали мы ему.

Б.: Здравствуйте, - ответил Александр.

В.: Порадуете ли Вы нас в новом году новой песней?

Б.: Порадуем, обязательно порадуем, - жизнерадостно ответил Саша, - собственно, песня уже есть. Правда, в этот раз я написал только музыку, а слова насочинял мой большой друг Витя Шкуренко, он же и будет ее исполнять. Начинаться эта песня будет так: «Трень-брень, трень-брень, а за кормой крутая беГит волна, трень-брень, трень-брень...» и так далее.

В.: Большое спасибо, Саша. А теперь снова заместитель начальника экспедиции. Валерий Николаевич, не секрет, что Вы большой знаток Тихого океана и его окрестностей. Вы много выступаете, пишете. Скажите, а о нашем рейсе Вы не собираетесь что-нибудь написать?

Б.: Открою вам секрет – я действительно кое-что такое хочу, - сказал заместитель.

В.: О чем же?

Б.: О времени, о себе, о рейсе в целом...

В.: Это будет книга?

Б.: Возможно...

В.: А как она будет называться?

Б.: Условное ее название: «Как я сходил», а там посмотрим...

В.: Спасибо, Валерий, будем ждать... И, наконец, по традиции, в заключение передачи мы обратились к известному корабельному поэту: Валентин Алексеевич, нет ли у Вас нового новогоднего стихотворения?

Б.: Я как раз, - сказал Валентин Алексеевич, - написал небольшой стишок, который так и называется: «Новый год».

В.: Предлагаем его вашему вниманию.

Б.: Мы новый год встречаем снова,
Стоит еловый запашок,
А у меня такой хреновый –
Зубной хреновый порошок.
Я по утрам им чищу зубы,
Свой закаляя организм,
Чтобы подохнул от испуга
Весь мировой империализм...
А мы идем наверно верно,
Идем в Австралию уже,

Погода необыкновенная –
Я даже вышел в неглиже...
Мы новый год встречаем снова,
Стоит еловый запашок,
А у меня родился новый –
О Новом годике стишок.

В.: Вы слушали радио «Дмитрия Менделеева». Дружеские интервью брал Александр Зубин, вещала Валентина Кильпуга, помогал Боб Гаврилин. Спасибо за внимание.

Примечания: Гога, Георгий Сергеевич – Г.С.Голицын – участник экспедиции, кфмн, с.н.с. ИФА (ныне - академик, директор Института физики атмосферы им. А.М.Обухова РАН); Вадим Тимофеевич – В.Т.Пака – зам. начальника экспедиции, ктн, зав. лаб. АО ИОАН (ныне - дфмн, директор АО ИОРАН); Александр Городницкий – А.М.Городницкий – участник экспедиции, кгмн, с.н.с. ИОАН (ныне дгмн, проф., зав. лабораторией ИОРАН); Витя Шкуренко – В.И.Шкуренко – участник экспедиции, м.н.с. АО ИОАН; Валерий Николаевич – В.Н.Фрухтман – зам. начальника экспедиции, ст. инженер отдела флота ИОАН; Валентин Алексеевич – В.А.Бурков (1924-2005) – начальник отряда, дгн, с.н.с. ИОАН (потом - проф., г.н.с., консультант ИОРАН); А.Б.Зубин – участник экспедиции, ст. инженер АО ИОАН (ныне - кгн, ученый секретарь АО ИОРАН); Валентина Кильпуга – участница экспедиции, инженер АО ИОАН; Боб Гаврилин - Б.Л.Гаврилин – участник экспедиции, кфмн, с.н.с. ИОАН.

4 рейс НИС «Дмитрий Менделеев»
(программа «Полигон-70»),
Атлантический океан, июль-сентябрь 1970 года
(Фельетон о встрече в океане трех НИС:
«Дмитрий Менделеев», «Академик Курчатов»
и «Академик Вернадский» -*
имитация речи И.Т.Шульгина¹)

У в свете решений IV, V и VII заседаний, а также июльского** пленума руководства экспедицией, было намечено провести три встречи судов, так сказать, работающих по программе ГОП (гигантский океанографический полигон), с целью выявить максимальный экономический эхвект в работах и вывести их на уровень мировых стандартов. Согласно плану, все пять встреч были проведены ув намеченном районе Мирового океана ув III квартале 1970 года. Все встречи проходили на соответствующих уровнях. На нижних палубах проходили встречи на нижних уровнях, на средних – средние встречи и на верхних палубах – встречи на высшем уровне (с тремя и даже пятью звездочками). На встречах были затронуты и обсуждены насущные задачи и проблемы, причем на верхних палубах были затронуты, а на нижних полностью обсуждены. На сегодняшний день незатронутых задач осталось: на НИС «Курчатов» - пять ящиков, на НИС «Вернадский» - восемь ящиков. Задачи и проблемы НИС «Менделеев» являются закрытыми для широкого обсуждения и обсуждаются в узком кругу специалистов. Часть проблем с НИС «Менделеев» была передана на НИС «Курчатов».

Во время встреч были подвергнуты принципиальной товарищеской критике некоторые спорные положения. Так, матначальник Гущин¹ прямо, по товарищески спросил матначальника Кривелевича¹, приглашенного с одного борта на другой для консультации по матделу:

- Лёв, ты меня уважаешь?

На что консультант Кривелевич честно ответил:

- Уважаю!

Таким образом, все семь встреч прошли в теплой товарищеской и деловой обстановке. Продолжительность встреч была различной и зависела от количества затронутых и имеющихся на борту проблем. Вот что указывал еще в 1962 году товарищ Абрам Давидович Ямпольский²: «Изучение результатов позволило сделать

вывод о существовании преобладающих колебаний с периодами 12, 16 и 24 часа» (А.Д.Ямпольский, том 56, стр. 232).

Экономический эффект встреч трудно переоценить. Так, если только сдать в торговые точки близлежащего порта Фритаун освободившуюся при встречах стеклотару, то на вырученные деньги можно построить средне тоннажное научно-исследовательское судно типа «Академик Хвомин³» и, таким образом, проводить встречи не на троих, то есть не тремя судами, а четырьмя, то есть – на четверых, что в свете новых цен тоже даст свой положительный экономический эффект и значительную экономию народных средств.

Примечания: *«Академик Вернадский» - НИС МГИ АН УССР, **Все буквы Г произносятся мягко – с украинским проносом.

¹И.Т.Шульгин – зам. директора АО ИОАН по хозяйству и зам. начальника экспедиции на НИС «Дмитрий Менделеев», О.А.Гущин – начальник отряда математической обработки данных на НИС «Дмитрий Менделеев», кфмн (АО ИОАН), Л.М.Кривелевич – начальник такого же отряда на НИС «Академик Курчатов», кфмн (АО ИОАН).

²А.Д.Ямпольский – зам. начальника экспедиции на НИС «Дмитрий Менделеев», кгн (ИОАН).

³Хвомин – Л.М.Фомин – начальник экспедиции на НИС «Дмитрий Менделеев», кгн (ИОАН).

**26 «А» (лисицынский) рейс НИС «Академик Курчатов»
Балтийское море, июнь-июль 1978 г.**

За 12 лет работы
Где «Курчатов» не бывал...
Покорил он все широты
Но ни разу нечистоты
Он еще не изучал!
И поэтому так странно
Было нам сюда идти –
Мы привыкли к океанам,
К очень долгому пути.
Тут же прямо у забора,
Окружающего дом,
Очень скоро, очень споро
Этот начался содом
Суматоха, суматоха...
Трубки, ведра, черпаки...
Бабы, девки, палки Коха,
Кванты, сетки, сундуки...
Все смешалось, как в ковчеге,
Перепутались дни...
Кто здесь? Половцы в набеге?
Иль лисицынцы одни?
Добывают, добывают
Тонны, центнеры, пуды...
Пилят, режут, промывают...
Ну куды еще, куды?
А Живаго, поднатужась
(не батометр – мастодонт),
С глубины два метра (ужас!)
Взял придонный горизонт.
Ловит что-то в поднебесье
(Очень с дамами хорош)
Элегантен, прост и честен
М.н.с. товарищ Корж.
Достает плохую воду
Бородатый, тих, но лих
И в ведро, и в непогоду
Мишке-Кобленцу Мих.Мих.

Романкевич и Артемьев
В этом рейсе правят бал,
Но над ними без сомненья
Возвышается Цымбал.
Он загружен под завязку,
Забывает он про сон,
Дать дежурному повязку
Мог придумать только он!
В помещеньях парохода
Всё гудит и всё дымит,
Тянет сероводородом:
Кто-то что-то там палит...
У Гордеева в отряде
(вы туда не суйте нос)
Пожилой химичит дядя...
Этот дядя – бомбовоз!
Внучка волжского народа,
Жгучий свой потупив взгляд,
Кислотой травит воду
Иванова Танзиля.
А внизу (никто не знает)
Жизнь особая идет:
Кто-то что-то наливает,
Кто-то что-то выдает...
Иногда выходят разом
На поверхность трююки...
Что-то связанное с газом
Изучают мужики.
И титруют (нету мочи,
Голова клонится вниз)
Три налбандовки до ночи
(две пока еще без виз).
Так работают все разом –
Правый борт и левый борт,
Чтоб скорей под ту заразу
Подвести науки базу
И скорей вернуться в порт.

Примечания: А.П.Лисицын - начальником экспедиции. Е.А.Романкевич и Л.А.Цимбал – заместители начальника экспедиции. В.Е.Артемьев – ученый секретарь экспедиции. В.В.Гордеев, Ю.Р.Налбандов, В.Я.Троцюк и О.И.Кобленц-Мишке – начальники отрядов. А.В.Живаго, В.Д.Корж, Мих. Водопьянов и Танзиля Иванова – участники экспедиции.